

Русская Православная Церковь

Храм иконы Божией Матери
«Знаменье» в Ховрине

№ 3 (72) 2010

ЛАМПАДА

Журнал для тех, кто стремится к Истине

**Тема номера:
ЧТО ГЛАВНОЕ – ПРАВА
ИЛИ ОБЯЗАННОСТИ?**

- Казак – солдат – архиепископ
- Филармония в церковной оgrade
- Алексей II о себе,
о современниках и вообще о жизни

Свобода от греха или свобода для греха?

Настоятель храма святителя Митрофана, епископа Воронежского, председатель отдела Московского Патриархата по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными учреждениями протоиерей Димитрий Смирнов хорошо известен как яркий и самобытный проповедник, не избегающий острых тем, всегда открыто и честно высказывающий свою точку зрения. Сегодня с Батюшкой беседует о теме номера главный редактор «Лампады» Павел Демидов.

– По-моему, само слово *права* звучит как-то странно. Да, существует Декларация прав человека. Она написана людьми неглупыми, но все равно это какой-то неживой документ, искусственный продукт.

– **Что Вы имеете в виду?**

– Если мы говорим о правах человека всерьез, давайте смотреть правде в глаза. Неотъемлемое и абсолютное право человека – это право на жизнь. Так? Вдумайтесь в смысл этого слова – *неотъемлемое*. То есть то, которое нельзя отобрать, отнять. Но тогда почему разрешены аборт? Если у человека есть право жить и это открыто и громко декларируется, давайте повсеместно отменим аборт. Раз такое не происходит, значит, под правами подразумевается что-то другое. И тогда, на фоне легального умерщвления, это *что-то другое* не более чем болтовня. Лично для меня, например, любые вариации на тему о правах – пустой звук, пока существует право убивать других.

– **Это касается не только аборт, но и смертных приговоров и смертной казни?**

– Разумеется. Если человек опасен, его надо изолировать. А зачем его убивать? Иное дело, если убийство происходит в схватке: на него напали – он ударил кирпичом в целях самозащиты или для защиты слабого. Или – война. А так... Но, к сожалению, имеет место намеренное, сознательное и узаконенное убийство. У нас, слава Богу, его отменили.

– **Противники смертной казни выдвигают вроде бы весомый аргумент: а вдруг этот приговор – судебная ошибка? Резонно. Однако, мне кажется, страшнее другое: человека лишают возможности прийти к покаянию.**

– А это может случиться и через 20, и через 30 лет. В случае же смерти не случится никогда. Разбойник, распятый вместе с Христом, раскаялся в последнюю минуту и первым оказался в раю.

– **Но институт защиты прав человека тоже выступает против смертной казни.**

– Выступает, не спорю. Но в действительности он создан для проведения некоей глобальной политики. Умные люди собираются, камуфлируют свои истинные намерения. А они в том, чтобы с помощью внедрения соответствующих технологий добиваться определенных политических результатов. Лично мне все это кажется лицемерием. Депутаты получают определенную мзду и начинают проталкивать законы, в которых сами плохо разбираются. Я был на слушаниях в Государственной думе. Там присутствовали представители Швейцарии, Франции...

– **В каком качестве? Гости? Консультанты? Советники?**

– Не знаю, как их назвать, но держались они довольно уверенно. Не могу представить себе ситуацию, когда где-нибудь во Франции или в швейцарском кантоне русские люди вдруг пришли бы в тамошнюю официальную структуру и начали влиять на законотворческий процесс. А у нас – пожалуйста!

– **Зачем им это нужно? Зачем они бьются за наши, скажем так, права?**

– Думаю, это делается, чтобы ослабить наше государство. Подчеркиваю: это моя, личная точка зрения. Нынче все больше входит в моду так называемая ювенальная юстиция – юридическая защита прав ребенка. От кого? В первую очередь, от родителей. Неужели не очевидно, что конечный продукт ювенальной юстиции – это уничтожение семьи? Законы и уложения нужны, но не они решают насущные житейские проблемы, которые буквально держат за горло социально ослабленные семьи. Почему бы государству не принять на себя часть этих забот? Допустим, женщина родила много детей и она не жена олигарха. Взять и платить бы ей за каждого ребенка, скажем, по пять тысяч рублей. Уже будет легче. А можно наладить от государства и просто обыкновенную помощь. Ведь присылают из социальной службы старикам человека, который выполняет какие-то бытовые дела. А почему многодетной матери не прислать такого человека, который ходил бы по магазинам? Она же – главная труженица у государства.

– **Не случайно женщина, ожидающая ребенка, на церковно-славянском называется непраздною.**

– Совсем не случайно! А у нас эта женщина отважилась рожать. В то время, когда никто не хочет. Мы, например, у себя на приходе всех многодетных материально поддерживаем. Считаю своим долгом. Церковь всегда же помогала вдовам, сиротам, а теперь должна и многодетным.

– **Получается, что поскольку церковь выполняет свои обязанности, у того, на кого эти обязанности на-**

правлены, нет нужды бороться за свои права.

– А какие права Вы вообще имеете в виду? У нас же права только те, что обозначены в законах. А законы издают люди, которые работают на себя в первую очередь.

– **Вероятно, это вообще свойственно человеку – работать прежде всего на себя.**

– Не скажите. Люди разные бывают. Религиозные, например, трудятся для того, чтобы угодить Богу. А нерелигиозные – они ставят себя на место Бога. Ну, иногда свою семью. Это несколько *улучшенный* вариант, но все равно неправильно. Я не знаю, как там в других странах, но у нас чиновники считают, что государство – это они.

– **И какая же в таком случае перспектива?**

– Я ее не вижу. Князь Владимир Красное Солнышко крестился в Херсонесе тысячу с лишним лет назад. Последние окраины Руси приняли Крещение в конце XIX века. Процесс крещения Руси длился девять веков. Большевички практически уничтожили Церковь, носителей веры, крестьянство и духовенство. После них пришлось начинать почти с нуля. По сути, второе Крещение. Но когда еще созреют плоды? Нужны чрезвычайно благоприятные условия для проповедания веры, нужны подвижники, которые понесли бы слово Церкви в народ. Чтобы в людях, слушающих их, начала бы пробуждаться совесть. Времени у мира для этого, я думаю, просто нет. А переставлять одних и тех же людей с места на место – занятие зряшное. Помните, как у Ивана Андреевича Крылова: «А вы, друзья, как ни садитесь...»? Ну, переставьте начальников. Одних генералов уволим – других, таких же, назначим. Откуда их брать? Они же не на деревьях растут, такие свеженькие, готовые к употреблению. Люди берутся из нашего общества, которое все пронизано коррупцией. Чего-то добиться в нашем обществе без помощи коррупции практически невозможно, во всяком случае, очень трудно. Десять лет мы пытаемся построить храм на Ходынском поле. Сколько положено усилий, потрачено времени!.. В результате в мэрии нам говорят: «Мы не имели права давать вам эту землю».

А если бы использовали коррупционную схему, давно все уже было бы.

– **К сожалению, это не исключение.**

– Ну что делать с человеком, у которого нет совести? Нет и все! А где взять человека, у которого есть совесть, который любил бы свою работу больше, чем деньги? Покажите мне магазин, где он продается. Его нет. И человека такого нет. Значит, его надо воспитать. Воспитать – это как минимум двадцать лет. Мы до сих пор не можем Основы Православной культуры ввести. Для четвертого ли класса, для пятого, или для маленьких детей. Тормозят полностью. Потому что в министерстве образования одни атеисты сидят.

– **Воинствующие безбожники.**

– Воинствующие. Которым говоришь: это черное, а они тебе – белое, и наоборот. Так что я пока радужной перспективы не вижу. Как быть? Мы действуем, как в старые, древние времена, когда христиане жили в гонениях: что можешь – то и сделай. Мы в маленькой группе можем чем-то помочь, мы и делаем это, и радуемся этому.

– **Я, например, плохо представляю, как наше общество вдруг стало бы жить по заповедям Христа. Это нереально.**

– Нереально. Нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Удастся нам какие-то процессы хоть затормозить, – и то слава Богу. Многие государства к западу от нас практически уже отказались от своей христианской веры. Однополые браки. Узаконивание педофилии. Гомосексуализм. Следующее – что?

– **У толерантности много модификаций.**

– Главная из них – толерантность ко греху. И вы, мол, не имеете права нас осуждать. Уже даже священника судят, в тюрьму идет, если он в проповеди высказал отрицательное отношение к содомии.

– **Свобода от греха подменяется свободой для греха. Это печально.**

– Печально. Конечно, они всячески ненавидят Россию, потому что безнаказанно ничего с нами не могут сделать. С ядерным чемоданчиком шутить не стоит. Поэтому нас физически уничтожают с помощью наркотиков. Я думаю, это одна из главных причин развязывания афганской войны.

– **Но все опять же с одним лозунгом: не стесняйте свободу человека, не ограничивайте свободу выбора. Ну а каков он, этот выбор, – никого не волнует. Если маленький ребенок хочет схватиться за горячую сковородку, мы же, останавливая его, стесняем его свободу. Или нам нужно отстраненно смотреть, как он обожжется?**

– Глупости все это и демагогия! Мы же стесняем свободу преступника! Ведь ни в одной стране нет открытой торговли героином. Выходит, в этом случае пресловутой толерантностью можно и пренебречь. Нет, что ни говорите, права человека – это всего лишь инструмент, с помощью которого достигаются определенные цели.

– **Но инструмент этот возник, или был выкован, или создан, в общем-то, не вчера и даже не сто лет назад.**

– А враги рода христианского тоже не вчера появились. Не мытьем, так катаньем, но всегда стремились добиваться своего. Войной – нельзя: мы, русские, побеждаем. Значит, надо идти другим путем, помните, кто так говорил? А вымирающая, спившаяся нация опасности не представляет.

– **Но все-таки должен быть выход!**

– Почему *должен быть*? Он – есть! Всё в наших руках. И всё зависит только от нас. Мы сами должны поставить себя на ноги. Это и есть наше право. И наша обязанность. Господь поможет, если к нему обратимся!

Фото В. Монастырева

Когда знаешь, что главное, жизнь приобретает смысл

Беседа редактора «Лампады» Павла Демидова с президентом редакции газеты «Известия», членом Общественной палаты при Президенте РФ Владимиром Мамонтовым.

– На прямой вопрос жду прямого ответа. Да?

– Конечно.

– Чем, по-вашему, следует руководствоваться в жизни – правом или обязанностью?

– Обязанностью.

– А как Вы это понимаете?

– Жить по Христу. Соблюдать Его заповеди. А теперь спросите меня: почему же ты сам так не живешь?

– Не спрошу. Не имею права, поскольку сам такой же. Вот мы и вошли в тему. Права и обязанности: что из них главное? Не главное, а – главное.

– По-моему, яснее ясного. Если разобраться, жизнь нормального человека сплошь состоит из обязанностей. Чем хуже мы с ними справляемся, тем больше возникает проблем. Семейных, родительских, воинских, служебных, сыновних.

– Сейчас идет большой напор по линии укрепления института защиты прав. То есть еще больше увеличивается зазор между обязанностями и правами.

Мы опять боремся со следствием, а не с причиной.

– Абсолютно так. И это очень опасная тенденция. Есть такая точка зрения: человек от рождения имеет право на все иные права. А если он их не получает, то имеет, простите за каламбур, право за них бороться. Лично я эту точку зрения не разделяю, хотя знаю, что поддержат меня далеко не все. Права не нужно брать с боем – их следует заслужить. Допустим, права ребенка. Чтобы эта проблема вообще не возникала...

– ...прежде нужно заняться обязанностями родителей?

– Совершенно верно. Заниматься надо обязанностями родителей, и заниматься этим серьезно, обстоятельно, настойчиво.

– Да, но чтобы получить нормальных родителей, надо так же неотступно заниматься обязанностями их родителей. И так далее.

– Этот процесс восходит еще к нашим прародителям, которые первыми совершили первый грех – грех ослушания. Но, говоря о родителях, я существенно расширяю семантику этого слова. Это и учителя, и воспитатели

Март 2007 года. Во время посещения редакции газеты «Известия» митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл вручил Владимиру Мамонтову орден святого благоверного князя Даниила Московского

детских садов, и преподаватели вузов – все, кто соприкасается с ребенком и участвует в формировании его личности. От няньки до детской комнаты милиции – вот чем государство должно, в конечном счете, заниматься.

– Звучит заманчиво. А как это может выглядеть на практике?

– Я не готов представить какую-то комплексную программу, просто не думал об этом. Ну, хотя бы определенного рода тесты для тех, кто собирается работать с детьми. Нянька. Прежде чем устроиться на работу, она должна сдать определенный минимум, а не только сказочки знать. Как, например, она ведет себя с ребенком, когда остается с ним наедине. Кстати, и родителей не грех протестировать. Но

это должна быть планомерная работа. Тяжело? – не спору! И есть к тому же большой соблазн: оградить ребенка защитной ширмой из его прав. Но это же не решение проблемы! Ну, выгнали с работы директора, который бил ребятишек в коррекционном интернате. Поставили на его место другого. А откуда взялся сам этот дядя, откуда вообще они берутся? Вот этим надо постоянно заниматься. Медленно, но неотступно.

– Мешает наша извечная русская болезнь – всё и сразу!

– Вот-вот! Есть еще очень важный момент. Не зря говорят: хочешь проверить человека – дай ему власть. Это, кстати, от возраста не зависит. Дети, которые внезапно могут почувствовать власть над родителями, неизбежно захотят этим воспользоваться. Нетрудно представить, кем вырастет этот маленький, пока еще беззащитный человек. Подобно тому, как папаше и мамаше нельзя считать, что у них, с ремнем в руках, есть власть над ребенком, так и ребенок не должен быть уверен в том, что у него есть какая-то серьезная власть над родителями. Когда приходят в движение эти весы – власть над тобой, власть надо мной, – добра от таких качелей не жди.

Может быть только одна власть – власть любви. А мы, по-моему, не в те двери заходим.

– Но считается, что это – признак цивилизованности.

– Смотря что понимать под этим. В той же Америке: постоянно требуют соблюдения регламентов, извещают власти, есть специальные люди, которые следят – не шагни ни туда, ни сюда... Что это за общество, где теплоту и нормальные человеческие отношения между ребенком и родителями заменяет адвокатский, или прокурорский, или полицейский надзор? Нам, на мой взгляд, надо вернуть совершенно другое – основу, на которой и держалась Россия. Это семья. Чем, например,

крепок Кавказ и сегодня? Семей. А она стоит на фундаменте обязанностей людей друг перед другом, стоит на чувстве долга. Любовь – да, без нее никуда, нежность, родственные чувства. Но долг – прежде всего. Такое общество непобедимо.

– **Все так. Но есть один шекотливый аспект. Приемные дети. Отношение к ним и их отношения в семье. Смотришь наше телевидение, и такое ощущение, будто родители не люди, а монстры какие-то.**

– Мы смотрим то, что нам показывают, только и всего. А вопрос с приемными детьми, действительно, есть, и он отнюдь не прост. Помните эту жуткую историю с маленьким Глебом Агеевым? Пожалуй, тогда только «Известия» дали высказаться и приемным родителям, хотя было достаточно ясно, что они виноваты. Но я хочу сказать о другом: как на это реагировали мои друзья, у которых тоже есть приемные дети. Конечно, они горели праведным гневом. Но в то же время были и серьезно обеспокоены. Случись им завтра дать своему приемному ребенку подзатыльник – это может обернуться суровыми исками, санкциями и так далее. Мы же народ крайностей! Воспитание ребенка это ведь очень сложный комплекс отношений, чувств и действий, в нем и любовь, и нежность, и прощение, и строгость, и наказание, и вычленять из этого комплекса какую-то составляющую, в данном случае наказание, – значит, делать процесс воспитания ущербным, дефектным, неполным. Этот сложный комплекс чувств и отношений входит в душу, в память, в интеллект ребенка, у него головенка начинает правильно раскладывать внутри себя этот комплекс – за это наказали, а все равно любят, а здесь предупредили, а здесь пожалели... И это не только формирует ребенка, но тот, выросши, понесет полученный опыт дальше, во взрослую жизнь, передавая его своим детям. Мы же переводим эту тонкую, буквально ювелирную, работу воспитания человека на язык прав и обязанностей... Господи! Если надо приставить к каждой маме полицейского, чтобы он ходил и следил, как та исполняет свои обязанности, в такой стране дело плохи.

– **Однако мы все же выкруливаем как раз на эту дорожку.**

– Мне кажется, делаем это не вполне осознанно, врубаемся в некую общую колею: вот, мол, в мире же так. А может, есть и какой-то корпоративный интерес. Не было, мол, такого института, который следил бы за правами ребенка, – давайте создадим. Построим фондик. Бюджетик отрежем.

– **Накат, который идет с Запада по части укрепления институтов прав человека, для нас в принципе противоестествен.**

– Что-то полезное можно и взять. Но без фанатизма, как говорит один мой приятель. Давайте опираться на базовые вещи. Какие? Повторюсь: это семья, со всеми ее сложностями и проблемами. У нас в России – русская, православная семья. Если ребенок переживает все сложности вместе с отцом и матерью, с бабушкой и дедушкой, с братьями и сестрами, – это важный, хотя и непростой духовный опыт. И эти переживания детства скорее, чем инфантильное, ватное воспитание, могут ему стать человеком. Если уж говорить о правах ребенка, то первейшее из них – право прожить жизнь со своей семьей, какой бы эта жизнь ни была. Мы договорились, что отставляем крайние случаи, так? Я сужу по себе. Неполная семья. Мама воспитывала меня одного, были бабушка, тетя. Тетин муж, который в значительной мере заменял мне отца. Это мой личный, мой собственный опыт! И чтобы какой-то адвокат или управляющий по правам человека пришел ко мне во двор и начал регулировать мою жизнь и в связи с этим жизнь окружающих меня взрослых?! Бабушка моя, например, гонялась за мной по двору и лупила хреном за хулиганство. И что было бы моей бабушке? Страшно подумать! В один прекрасный день я бы сказал: «Бабуля, а ты не главная для меня. Ты у меня смотри, с хреном-то за мной бегать».

– **Можно сказать, что структуры, стоящие на страже прав человека, становятся не столько воспитывающими, сколько карательными?**

– Думаю, что можно. К сожалению. Прежние родительские комитеты при всей их заскорузлости действовали не так, как сегодняшние стражи прав человека вообще и ребенка в частности. Не расспрашивали детей: а ну-ка ска-

жи, как родители к тебе относятся? Не подрывали их авторитет в глазах ребенка. Напротив: старались если не поднять, то хотя бы удержать его. Родительский авторитет – это святыня. И, кстати, не только в нашей религиозной традиции, но, в не меньшей степени, и в мусульманской, и в иной другой. Знали: надо работать не с ребенком, а с родителями. Сейчас же чуть что – совет ребенку: ты уж смотри, если что не так, сразу дай нам знать. А вы, наоборот, помогите матери, не топите ее. Устройте в лечебницу, если она алкоголичка, работайте с ней, не отступайте. В сто первый раз говорю: вынесем за скобки случай, когда мать больна...

– **Патология есть патология.**

– Тогда совсем другой подход. Ребенка осиротить – дело легкое. А мать спасти, и отца вернуть, и семью восстановить – вот задача! Так на это нет уполномоченных! Где их взять?

– **Только в Церкви.**

– К этому я и веду! Такой подход – только в Церкви. У меня есть и друзья, и родня есть, более меня верующие...

– **Скорее, более воцерковленные?**

– Мне до них далеко. Надеюсь, Господь не будет слишком строг ко мне. У них нет подобных проблем. Причем, это не только православные. Их дети понимают, что такое поступать не побожески, хотя одни верят в Аллаха, а другие в Иисуса Христа. А теперь это выражение – *по-божески* – исчезло даже как просто фигура речи.

– **Словарь всего лишь отражает жизненные реалии. Уходит из активного словаря – значит, уходит из жизни. Правда, приходит нечто другое. Например, отвязанный.**

– Вот именно! Спрашивается: от чего *отвязанный*? Если это синоним личной свободы – пожалуйста! А если *беспривязное содержание* – это сюжет для Достоевского.

– **Если Бога нет – все позволено?**

– Не дай Бог!

– **Напоследок что-нибудь обнадеживающее.**

– Дайте подумать... Убежден: порядочный человек это, прежде всего, человек долга. И потому обязанность, долг и есть его первейшее право и смысл жизни.

Фото Александра Блохина

Куда приводит гордыня

В том, что либералы и правозащитники сотрут меня в порошок, не сомневаюсь. Готов к обвинениям в склонности к авторитаризму, к уличению меня в тоске по советскому прошлому, к подозрению во всех мыслимых и немыслимых грехах, какие только может узреть во мне человек с гордо поднятой головой. Но, тем не менее, скажу.

Вспомним, что стало причиной низвержения Денницы, первого и самого любимого среди ангелов Господних. Его непомерная гордыня, уверенность в том, что он может (и должен) уподобиться Богу. И он облек себя этим правом. Вспомним, чем были искушены наши прародители в раю. Им предложили преступить грань дозволенного. Иными словами, им внушили: вы имеете на это право. С тех пор человечество с большей или меньшей долей успеха движется по пути самоутверждения, по пути борьбы за свои права. А век нынешний и век минувший вообще живет и жил под этим знаменем.

Я не против того, чтобы у нас у всех были права и чтобы они не попирались. Но не забыли ли мы при этом о своих обязанностях? Перед самими собой, перед близкими, перед страной, перед обществом. Когда в России появился институт уполномоченного по правам человека, мы почувствовали себя приобщенными к некоей высшей цивилизации: наконец-то! Но если бы одновременно (а лучше бы и раньше) у нас появился уполномоченный по обязанностям человека...

Мы говорим и думаем о наших правах как о чем-то абсолютно существующем. Между тем, это далеко не так. Права – вторичны. Первичны – обязанности. Не будет забвения обязанностей одними – у других не возникнет необходимости отстаивать права. Равновесие общества держится как раз на балансе этих двух составляющих. Чем более мы разгружаем одну чашу весов (в данном случае – обязанностей), тем ниже опускается вторая (прав). И вот она уже достигла дна, его, как ни парадоксально, высшей точки. Я имею в виду терроризм.

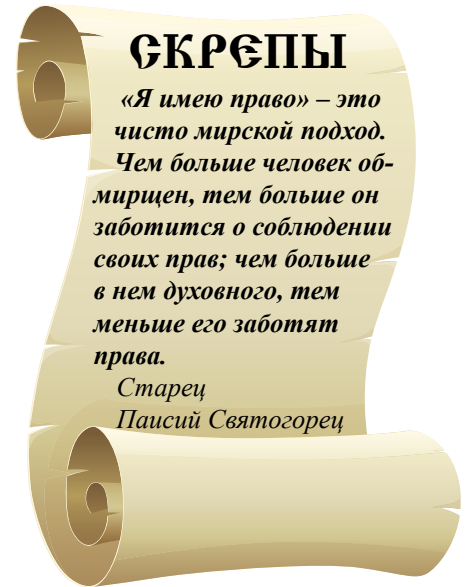
Логика возникновения терроризма – именно в стремлении утвердить свое право. Не помогло словом – попробую кулаком. Бессилен кулак – есть более весомый аргумент. Нож не помог –

найдется пуля. И так далее. В заложниках больные, старики, дети. Уже выставляют их в качестве живых щитов, чтобы оградить себя. Уже стреляют им в спины.

Правозащитники поспешат возразить: борьба борьбе рознь (имеется в виду борьба за права). Это, конечно, варварство, а мы, мол, боремся цивилизованно. Я же имею в виду не форму борьбы, но сам подход: бороться за свои права не только якобы позволительно, но всячески поощряемо, это признак зрелости демократии. Но у всех ли этот принцип обряжен в белоснежную манишку? И так ли уж случайно, что иные «цивилизованные» правозащитники, мягко говоря, симпатизируют своим идейным товарищам, одетым в камуфляж, и уж никак не укоряют их?

Еще задолго до того, как слово *террор* и его производные наполнились нынешним страшным содержанием, мы легко пользовались им в быту, не задумываясь над истинным смыслом. Ребенок бросается на землю, кричит, колотит ногами – и добивается своего. Мы говорили: «Прямо террорист какой-то». И чуть ли не восхищались при этом его настойчивостью. Как же мы были близки в определении и как далеки от понимания того, что, уступая, по сути, поощряли в нем именно терроризм. А в ребенке крепло ответное убеждение: значит, имею право.

Вспомним наше недавнее умиление футбольными болельщиками, их экспрессивной преданностью своему клубу. Если случались какие-то инциденты, мы были снисходительны: в конце концов, имеют же они право выразить свою любовь. И так было не только у нас, но и в «цивилизованной» Европе – в Германии, в Англии... Пример этот, разумеется, к терроризму прямого отношения не имеет, но он ярко показывает, в какую уродливую форму может вылиться абсолютизация человеком его права на что бы то ни было.

СКРЕПЫ

«Я имею право» – это чисто мирской подход. Чем больше человек обмирщен, тем больше он заботится о соблюдении своих прав; чем больше в нем духовного, тем меньше его заботят права.

*Старец
Паисий Святогорец*

С правами вроде ясно – какие, кому, в каком объеме и т. п. Есть тьма деклараций, резолюций, конвенций... Одна Французская революция чего стоит! Такое впечатление, что люди только и озабочены тем, чтобы взять себе как можно больше прав. Поле деятельности поистине необозримое. Борцам за права безработица не грозит.

А теперь – другая чаша весов. Обязанности. Людям православной веры тут и объяснять нечего: есть Евангелия, есть Деяния и Послания апостолов, в Ветхом Завете много поучительного – чего больше? Для всех же без исключения существуют общепринятые нормы человеческого поведения, мораль, этика, обычай. И все они, к слову, меньше говорят о правах и больше – об обязанностях.

Сегодня все мы так далеко углубились в джунгли борьбы за свои права и так в них застряли, что на фоне происходящего (в Югославии ли, в Чечне, в Осетии, в Ираке, в Афганистане, в Косово) эти заметки могут показаться наивными. Я даже могу понять, почему. Они не дают рецепта быстрого излечения от болезни. Они, если хотите, говорят о стратегии. Что касается тактики противодействия терроризму, возможно, она должна быть даже более жесткой. Но если мы не приведем в равновесие чаши весов, на которых лежат права и обязанности, нас ждут куда большие искушения.

Даниил Семиконов*

ЖИЗНЬ – КАК ПОДВИГ

*Напрасный труд – нет, их не вразумишь, –
Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им её идея.*

Ф.И. Тютчев

Эти слова великого русского поэта и ныне актуальны, с той только разницей, что полтора столетия назад либерализм был одной из возможных политических и социальных угроз. Ныне он представляет безальтернативную политическую реальность. В 60-х гг. XIX века, когда и было написано это стихотворение, все еще было не ясно. Российская империя с её тремя столпами – Православием, Самодержавием и Народностью – представлялась мощным государством, вступившим в пору своего культурного цветения.

Никто и не думал, за исключением очень уж пророчески одаренных единиц, что наступил закат петровской России с её абсолютной монархией и силу набирают новые политические движения, хищные и желающие полакомиться плотью умирающих традиционных обществ, – либерализм и коммунизм, за которыми и будет будущее в XX веке. Впрочем, на территории Европы либерализм всю торжествовал еще со времен Вольтера, но Россия, казалось, была далека от его пошлого господства. Слишком уж не соответствовал либерализм размаху русской души, склонной одновременно и к подвигу бескорыстного служения, и к иррациональному анархизму. В силу этого, не вдруг и не случайно, из либерализма происходит в России социализм, причем анархического, нигилистского направления в духе Бакунина, Кропоткина и Нечаева. Про это, прежде всего, и были написаны Достоевским «Бесы», и сам роман стал грозным предупреждением русскому обществу, которое, увы, не сделало должных выводов. Не были услышаны и другие голоса, бывшие в набат народного сознания. Россия той эпохи имела множество гениальных сынов, но гений большинства из них оказался не востребованным обществом. Лишь теперь, после всех идеологических и иных баталий двадцатого века, у нас есть возможность дать объективную и беспристрастную оценку их творчества.

Одно из таких имен – Никита Петрович Гиляров-Платонов. Консерва-

тивный публицист и мыслитель Сергей Шарапов не случайно посвятил ему в 1903 году сборник под названием «Неопознанный гений». Гилярова-Платонова, несмотря на огромное количество опубликованных им статей, современники не оценили по достоинству. Он был слишком умен, слишком теоретичен, забегал вперед на целый век, и потому его не слышали.

Родился Гиляров-Платонов в 1824 году в Коломне в семье потомственного священника Петра Матвеевича Никитского. Семья была очень патриархальной, и маленького Никиту воспитывали в строгом, даже, возможно, чрезмерно строгом (по его воспоминаниям) православном духе. Будущее его, как сына священника, было предопределено. Он оканчивает в числе лучших Московскую духовную семинарию и поступает в академию. Фамилию Гиляров он получил благодаря старшему брату, которого так прозвали за веселый нрав (от лат. *Hilaris* – веселый). А вторую часть фамилии (Платонов) ему присвоили как стипендиату митрополита Платона (Левшина). Такую приставку получали самые талантливые из бедных учеников.

После академии Никиту Петровича оставили в её штате преподавателем. Блестящий оратор, любимец студентов, он снискал славу за пределами академической аудитории, стал посещать сам Сергей Тимофеевич Аксаков. Но эта популярность сыграла с Гиляровым-Платоновым злую шутку. В эпоху правления импе-

ратора Николая I опасно было привлекать к себе излишнее внимание. Кроме того, Гиляров-Платонов позволил себе вступить в конфликт с самим Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским, из-за своих лекций по сравнительному богословию. Никита Петрович считал, что против раскола надо действовать мерами просвещения, а не принуждения. Он доказывал внутреннюю логичность раскола, указывая на его историческую неизбежность. Такой подход был слишком смелым для той эпохи, хотя многие выводы Гилярова-Платонова потом подтвердились. Но, как сказал митрополит Филарет: «Вы отдаете справедливость расколу», и с этой формулировкой Гиляров-Платонов был уволен из МДА. Для него, молодого преподавателя, уже обремененного семьей, это было очень серьезным ударом. Но славянофилы его поддержали, и Гиляров-Платонов начинает карьеру публициста, что определяет его дальнейшую судьбу. В издававшихся славянофилами журналах, а также в знаменитом «Русском вестнике» М.Н. Каткова он опубликует множество работ литературного и научного направлений. Все они свидетельствуют об особом складе ума Гилярова-Платонова, его оригинальности и даре предвидения культурно-исторических процессов. Гиляров-Платонов был умом философским, он автор одной из первых в нашей науке работ по философии Гегеля. Прекрасно зная политэкономии, он

* Даниил Викторович Семиконов. Кандидат философских наук. Преподаватель Нижегородской духовной семинарии.

написал ряд работ и в этой области, в том числе фундаментальные, но, к сожалению, не законченные «Основные начала экономии».

Патриарх славянофильства А.С. Хомяков с особым восторгом отзывался о работе Гилярова-Платонова под названием «Личное и общественное», в которой разбирались либеральная и коммунистическая идеологии. Даже в наши дни статья поражает глубиной анализа. Более того, можно смело заявить, что ныне многие идеи статьи приобретают новое звучание, так как мы живем в эпоху победившего либерализма, который на глазах многих из нас вышел победителем из борьбы с фашизмом и коммунизмом, поочередно расправившись с ними и став всемирной доминирующей идеологией. По словам современных политологов консервативного лагеря, в этом есть своя логика. Коммунизм делал ставку на класс, фашизм – на расу, либерализм же делал ставку на индивида. В чем суть либерализма? По словам одного из известных отечественных политологов: «Либерализм – это политическая экономическая философия и идеология, воплощающая в себе главные силовые линии Нового времени, эпохи Модерна: понимание человеческого индивидуума как меры вещей; убежденность в священном характере частной собственности; утверждение равенства возможностей как морального закона общества; уверенность в «договорной» («контрактной») основе всех социально-политических институтов, включая государство; упразднение любых государственных, религиозных и сословных авторитетов, которые претендуют на “общеобязательную истину”»¹.

Все это суммируется в главном и опорном пункте либерализма – провозглашении свободы индивидуума от всякой общности: государства, церкви, сословий, общинного хозяйства, этноса и пр. Если либерализм и создает какие-то союзы, то не ради объединения людей, а ради создания условий для более эффективного противостояния индивидуума социуму.

Еще полтора столетия назад Гиляров-Платонов выступил с жесткой критикой именно этих позиций либерализма. Он согласен с тем, что европейская цивилизация развивалась по пути все большей эмансипации личности, но привело это вовсе не к свободе, а к рабству, пусть многими и не замечаемому. Идея личного самоуважения зарождается на излете католического средневековья. «И это – пора рабства и крайнего невежества». Но на смену католичеству приходит протестантизм, который «смягчил личное начало, заменив личный авторитет личной же свободой, по отношению к авторитету абстрактному; ему соответствует теперешнее модное общественное устройство, основанное на так называемом общественном равновесии, – на отвлеченном равновесии взаимно-противоположных или даже враждебных элементов. И это смягчение личного начала, именно самое изгнание прямого личного авторитета и замена его абстрактным, принесло свой плод в успехах просвещения»². Но исчезло ли от этого рабство? Вовсе нет. Оно только изменило свою форму. Просто «право насилия перешло из одних рук в другие, от аристократов к богачам, и потеряло прежнюю непосредственность, достигая того же результата путем более далеким и процессом более сложным». Изменился способ эксплуатации, но не исчезла сама эксплуатация, и не случайно коммунизм в своей критике капитализма столь часто указывал на хищный характер последнего, и в XIX веке это уже не было особым откровением. Но Гиляров-Платонов идет дальше, он указывает на дальнейшую трансформацию способа эксплуатации. «Скажем, наконец, и о другой, еще новой возникающей власти, которая идет умерить и, если можно, сменить собой голую власть богача, хотя и более тонкую, чем прежняя власть господина, но все-таки очень заметную и уже чувствуемую теперь в ее тяжести, и которую восхваляют нынешние публицисты как верх освобождения, как цвет просвещения, как окончательное выражение нор-

мальной цивилизации. Мы говорим о власти общественного мнения... Это... насилие не господина над рабом или плантатора над негром, не богача над бедным, но насилие более ловких, более остроумных над лицами более простодушными и честными, более скромными, хотя, может быть, иногда и менее даровитыми. И если хотите, это насилие еще хуже всякого другого. Это – насилие соблазна и обольщения... И тем оно опаснее, чем оно тоньше: оно убивает свободу в самом корне, под видом уважения именно к той же самой свободе»³.

Сейчас мы с горечью можем констатировать верность прогноза Никиты Петровича. В обществе торжествующего либерализма торжествует тирания общественного мнения. Да, есть плюрализм мнений, но вы не можете сомневаться в необходимости самого плюрализма, есть многопартийная система, но нельзя ставить под сомнение необходимость многопартийности. Хотя на самом деле никакой многопартийности нет, так как тот, кто контролирует общественное мнение, всегда может обеспечить торжество определенной политической силы.

Очень интересно то, как Гиляров-Платонов изображает разницу между либерализмом и коммунизмом: «Идеал коммунистического устройства есть механический прибор, правильный, но безжизненный. Идеал индивидуализма – стая зверей, живых, но диких»⁴. Правоту этого символического ряда подтвердило грядущее. Все это сбылось на нашей памяти. Государственный механизм СССР дал сбой, и после его разрушения на свободу вырвалась стая либералов, которые подсознательно исповедовали принципы социального дарвинизма и нищезанятия: «выживает сильнейший» и «падающего подтолкни». Не трагично ли то, что после 70 лет коммунистического плена, потребовавшего от русского народа героизма и огромных усилий, мы пришли к торжеству либеральной пошлости? Очевидно, что пока неправомерно говорить о возрождении России, так как она переживает вполне закономерный системный кризис, кото-

¹ Дугин А. Четвертая политическая теория. СПб., 2009. С. 30-31.

² Гиляров-Платонов Н.П. «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение...». М., 2008. С. 328.

³ Там же. С. 328-329.

⁴ Там же. С. 342.

рый может закончиться гибелью нашей цивилизации.

Суть русской идеи в христианской добродетели самопожертвования. Веками наши предки отстаивали от внешних и внутренних врагов права на свою веру, свою землю и свою культуру. Сохранить самобытность можно только путем самоотречения, достичь духовных высот под силу только тому, кто готов к самоотверженности. Ныне же либеральное общество навязывает нам гиперболизацию «само-», которым ни в коем случае нельзя жертвовать и которое нельзя отвергать. Человек обязан служить своему народу, государству, вере только в том случае, если это не нарушает его индивидуальных прав и ему выгодно. Абсурдность этих установок и обличил Гиляров-Платонов. Он же предложил обустроить общество на совсем иных, христианских основах. Вот его слова, которые могут стать лозунгом нового русского возрождения: «Жизнь есть подвиг, а не наслаждение. Труд есть долг, а не средство своекорыстия. Верховный закон междулических отношений есть всеотдающая себя любовь, а не зависть. Люби ближнего, как самого себя, – вот в двух словах все начало должных общественных отношений, истинно христианских и истинных во всяком другом значении этого слова»¹.

Ясно, что это очень высокий идеал, который не может быть предписан законодательно. Нельзя заставить человека любить. Но именно таковы должны быть идеалы в обществе. Человек самолюбив, способен на зло, склонен к эгоизму и разврату, но из этого не следует, что необходимо пропагандировать эгоизм, разврат и самолюбие как идеалы, что сейчас и делается. Это только усугубит ситуацию. От этого и предостерегает Никита Петрович: «Нет, признайте, что людям врождено самолюбие; что в каждом из нас существуют звериные инстинкты; что редкий охотно жертвует другим своими интересами, редкий чувствует себя членом семьи человеческой, братом всех людей; но не говорите же, что все это так и должно быть; что это отношения истинные; что от них происходит и на них основано все благо челове-

ства; что действовать и мыслить иначе, значит действовать и мыслить ко вреду человечества»².

Таковы были актуальные и глубокие идеи нашего соотечественника, о котором ныне знают только специалисты. А ведь это только беглый обзор одной из его статей, а им написаны их тысячи, и это помимо монографий и блестящих литературных мемуаров «Из пережитого», описывающих быт духовенства в XIX веке.

Забвение имени Гилярова-Платонова началось уже при его жизни. Странно, но этот поборник Православия и русской государственности всегда испытывал притеснения от властей Российской империи. Он был уволен из цензоров Московского цензурского комитета за твердость своих убеждений и защиту консервативных изданий (sic!). В 1867 году он организует газету «Современные Известия» как независимый консервативный орган печати. Газета просуществует 20 лет, но постоянно будет испытывать нападки цензуры и чиновников либерального направления. Да и высокий уровень газеты, которая пыталась держать марку и не впадать в «желтизну», делал её неконкурентоспособной. Гиляров-Платонов рассматривал свою публицистическую деятельность как долг и был равнодушен к прибыли, а в результате впал в нищету вместе со своим публицистическим детищем. Парадоксально, но в Российской империи конца XIX века легче было быть либералом, чем консерватором, и Никиту Петровича не спасла даже дружба с К.П. Победоносцевым.

Умер Гиляров-Платонов 13 октября 1887 года в дешевом гостиничном номере г. Петербурга. Он хлопотал о месте главного редактора «Московских Ведомостей». Предыдущим редактором был М.Н. Катков, и после его смерти Никита Петрович надеялся занять его место, но получил от петербургских чиновников очередной мстительный отказ. Возможно, это и стало причиной его смерти. Он умер всеми забытый в грязном номере, гостиничная прислуга нашла его тело только на следующий день. Корреспондент Александр Чехов (брат великого

писателя) заметил по этому поводу, что «Гиляров-Платонов умер в Петербурге сиротою»³. Его старушка-вдова забрала его тело в Москву, и Никиту Петровича похоронили на Новодевичьем кладбище. Похороны были очень скромными, но всем запомнилась надгробная речь знаменитого фольклориста Е.В. Барсова: «Мы любим науку и искусство, сочувствуем талантам, рукоплещем их успехам, плачем о потерях, много говорим о долге и чести, проникаемся негодованием против общественной безнравственности, но, в сущности, в нас нет ни того, ни другого, ни третьего; нет в нас ни духовной полноты, ни искренности; кругом какое-то полужнание-полуневежество, получестность-полубесчестность, полумысль-полусон, полусочувствие-полуравнодушие, одним словом – глубокая апатия с наружными признаками одушевления. Какую страшную дисгармонию с этим общественным бездушием представляют убежденные глашатаи и руководители общественной жизни, которых потеряли мы навсегда. И зачем нам, при нашей дремоте, эти великие умы, зачем нравственная мощь, зачем убежденный голос независимых мыслей!»⁴.

СКРЕПЫ

Есть пробный камень для золота и серебра. Есть пробный камень и для смирения. Камень, которым испытывается смирение, есть примирение с теми, которых нас обидели или которых мы обидели.

Иаков, Архиепископ Нижнегородский

¹ Там же. С. 344.

² Там же. С. 348.

³ Исторический Вестник. 1907. № 10. С. 56–57.

⁴ РГАЛИ. Фонд № 191. Ед. хран. № 3259.

Скажите, пожалуйста...

 <p>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Белевой на ее вопросы...</p>	<p><u>Тамара Ивановна Спиричева,</u> 69 лет, заслуженная артистка РФ</p>	<p><u>Станислав Зыков,</u> 40 лет, фоторедактор</p>	<p><u>Ольга Виноградова,</u> сотрудник ЧОПа</p>
			
<p>Что, на Ваш взгляд, первично, а что вторично в причинно-следственной связи понятий <i>права</i> и <i>обязанности</i>?</p>	<p>Я думаю, что это параллельные значения. Нельзя говорить, что первично, что вторично. Для меня это одинаково значительные понятия.</p>	<p>Наверное, все же долг вытекает из права. Человек, не осознающий до конца свои обязанности, как и свои права, не может удерживать свой нравственный баланс.</p>	<p>Человек вообще живет правилами. Первично, мне кажется, правило, долг, обязанности.</p>
<p>Стесняет ли исполнение Вами обязанностей Вашу свободу? Что Вы при этом чувствуете – удовлетворение, гордость, досаду, раздражение?</p>	<p>Нет, меня не стесняет. Я получаю удовольствие от хорошо исполненной работы.</p>	<p>Скорее, удовлетворение. Есть обратная зависимость: чем больше зажимается внешняя свобода, тем больше высвобождается свобода духовная. И свободы страстей, тем меньше духовной свободы.</p>	<p>Я человек не конфликтный, мне везде хорошо.</p>
<p>Случалось ли Вам отдавать предпочтение чужим правам в ущерб собственным или собственным в ущерб чужим?</p>	<p>Да, случалось и то, и другое.</p>	<p>Когда отдаешь предпочтение чужим правам в ущерб собственным, человек потом возвращает тебе часть каких-то своих прав, и ты чувствуешь отдачу. Происходит взаимобмен.</p>	<p>У меня работа такая – я все делаю по принуждению.</p>
<p>Что и почему можно, по Вашему мнению, назвать синонимом слова <i>толерантность</i>?</p>	<p><i>Толерантность</i> – это для меня чужое слово, Я не могу понять, что это. Для меня есть слова <i>терпимость</i>, <i>уважение</i>, а <i>толерантность</i> для меня не существует.</p>	<p>Терпимость ко греху, к страстям. Поэтому <i>толерантность</i> – слово, наверное, не подходящее для русского самосознания. Можно было бы назвать это уважением и уступчивостью.</p>	<p>Безразличие и эгоизм. По мне, это самые плохие качества. Лучше не любить человека, чем относиться к нему никак.</p>
<p>Возможно ли, и при каком условии, создать общество, в котором не нужно было бы бороться за свои права?</p>	<p>Нет, на земле невозможно. Это может быть только на небесах.</p>	<p>Невозможно создать общество, где не нужно бы было бороться за свои права.</p>	<p>Не бывает такого общества.</p>
<p>Закончите фразу: Совесть – это...</p>	<p>Совесть – это дар Божий. Если уж Господь не дал совести, то ее уже и не будет.</p>	<p>Совесть – это прирожденное в душе каждого человека представление о том, как нужно правильно жить, правильно действовать, представление на начальном уровне о Законе Божиим.</p>	<p>Каждый ее по-своему понимает – если есть честь, то и совесть есть.</p>

ЧТО ГЛАВНОЕ – ПРАВА ИЛИ ОБЯЗАННОСТИ?

Анкета «Лампады»

<p><u>Оксана Демченко,</u> 24 года, секретарь</p>	<p><u>Евгений Лямов,</u> 23 года, временно безработный</p>	<p><u>Виктор Александрович Хрущёв,</u> 57 лет, начальник информационно-технического отдела</p>	<p><u>Ольга Головачёва,</u> 31 год, художник</p>
			
Первичны – обязанности, а потом уже права.	Мне кажется, первичными являются обязанности.	Обязанности первичны.	Первично все-таки право, несмотря на то, что долг – достаточно важная составляющая нашей жизни.
Мои обязанности свободы не стесняют. Досаду и раздражение – точно не чувствую.	Нет, мою свободу это не стесняет. Обязанности мне в какой-то степени даже помогают достичь свободы. Только если какая-то неудача, то временная досада, и только на себя.	Наверное, когда что-то делаешь по обязанности, чем-то жертвуешь, а чувство удовлетворения – от того, что поступил так, как нужно было.	Да, отчасти стесняет. Но в основном при исполнении долга чувствуешь удовлетворение.
Я стараюсь этого по возможности избегать, но иногда случается и то, и другое.	О конкретном случае я сейчас не вспомню, но, конечно же, такое бывает.	За 57 лет жизни, наверное, и то, и другое было. Сейчас уже трудно вспомнить.	Да, предпочтение чужим правам отдавала. Думаю, и то, и другое случалось у каждого.
Скорее всего, синоним толерантности – терпимость.	<i>Толерантность</i> – слово современное, и оно насаждается сейчас искусственно, пришло на замену слова <i>терпимость</i> и запутывает нас понятиями. Мне это слово чуждо.	Терпимость.	Терпимость.
Я не знаю, как ответить.	Нет.	Это утопическое общество, а как мы знаем по истории, утопических обществ не бывает. Такое общество в обозримом будущем невозможно.	Невозможно создать такое общество, потому что даже внутри семьи это достаточно сложно сделать.
Совесь – это способность нравственно оценивать свои поступки.	Совесь – это жизнь.	Совесь – это жить так, как ты считаешь нужным, по своему чувству долга, и жить не только для себя. Тогда это будет жизнь по совести.	Совесь – это когда ты можешь спокойно лечь спать.

Наталья Лайдинен

Самый русский святой

Святитель Николай Чудотворец – один из наиболее любимых в России народных святых. Он действительно «наш», близкий и понятный заступник, помощник в бедах и невзгодах, утешитель и верный спутник в дальнем пути. Трудно представить, что родился он в находящемся сегодня на территории Турции городе Демре, который в античные времена назывался Мир, что в Ликии. Я специально поехала туда, чтобы поклониться месту, где родился и служил святой.

В Демре я с трепетом ходила по улочкам городка, центр которого – однозначно туристический, а окраины – сельскохозяйственные. Жители Демре с огромным пиететом относятся к местной святыне – храму, который, правда, ныне стал музеем. Но согласитесь: если символом мусульманского города почитается христианский святой, это что-нибудь да значит! Статуя, а также изображение в образе Санта-Клауса находятся на главных площадях городка. Мусульмане почитают Николая, уважительно называя его *Ноэль Баба*. Повсюду – фигурки и образы рождественского Деда Мороза. Удивили огромных размеров лавки, в которых продаются иконы с изображением Николая, и рестораны, названные в честь святого, – это вообще необычно.

Местные жители, хоть и носители иной веры, хорошо знают, что чудотворцем Николай был назван еще при жизни. Не только за свои уникальные духовные способности, дар ясновидения и исцеления. Святой всегда много общался с людьми и был в курсе их бед и потребностей, особенно среди неимущих. Он много путешествовал, жил в Палестине, совершал паломничества по святым местам. Во время странствий не раз являл чудеса усмирения стихии, спасения кораблей и моряков. Этот великий молитвенник мечтал об уединенном служении Богу, но его главной духовной миссией стало служение людям. Вернувшись из странствий, Николай стал архиепископом Ликии, помогал своей пастве и словом утешения, и делом. Во времена гонений на церковь он поддерживал верующих, укреплял их дух.

Время словно не коснулось памяти о великом святом и, в частности, о его смелости. Известен его конфликт на Первом

Вселенском соборе в Никее в 325 году. Защищая свою веру, святитель нанес пощечину ересиарху Арию прямо во время заседания, за что был поначалу сурово наказан, но впоследствии, правда, прощен. Этот факт отражен в поздних греческих хрониках и вошел в энциклопедию «Христианство» (М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1995. Т. II. С. 208).

Сегодня в Демре, увы, нет ни одной христианской семьи; машины и автобусы с туристами и паломниками приезжают и уезжают в течение светового дня, а богослужения в полуразрушенном христианском храме, где служил архиепископ, проходят крайне редко. Сама постройка весьма живописна,

правда, несколько раз переделывалась, на стенах сохранились остатки стародавних фресок. За века существования храм оказался на несколько метров ниже современного культурного слоя, поэтому к нему нужно спускаться по ступеням, миновав турникеты. Людей в очереди – длинная змейка. Стоять приходится долго. Внутри храма прохладно, веет древностью прошедших столетий. Я почувствовала неожиданное волнение, прикасаясь к древним стенам, которые пока восстановлены только частично. Физически ощущаешь их возраст, а осознание того, что именно в этом месте служил сам великий святой, вызывает одновременно восторг и трепет.

Люди рассматривают стены с фресками, древнюю сохранившуюся кладку. Сначала подходят к древнему алтарю, иногда даже входят в него и там фотографируются. Но мои проводники запрещают это делать, что в принципе понятно, но опять же удивительно: казалось бы, что за дело им до чужих святынь? Тут же следует поучительная история: одна веселая туристка, которая перед приездом в храм хлебнула спиртного, фотографировалась в алтаре, принимая непристойные позы. Через полчаса она, рыдая, вышла из храма, рассказывая, что ей явился святой Николай и лично сделал внушение. После этого эпизода она стала верующей.

Паломники у саркофага, где изначально хранились мощи святителя Николая. Южный неф церкви

Мария Карпова

Икона Николая Доброго

Вообще, как следовало из обсуждения в очереди, святитель Николай являлся многим. Некоторые паломники приезжали в Демре уже не первый раз. После того как исполнялись их заветные желания, они возвращались сюда снова и снова – сердцем помолиться святому Николаю. Одна женщина поведала мне, что отчаялась вылечить в России от бесплодия дочь. И вот, ведомые свыше, они собрали последние деньги и приехали сюда с дочерью, долго вдвоем молились. И свершилось чудо: дочь родила здоровых детей! С тех пор они многократно бывали в этом храме.

Дольше всего приходится ждать прикосновения к саркофагу. После смерти мощи святого упокоились на долгие столетия в мраморной крипте в храме, где он служил. Но после этого мощам предстояло еще совершить долгое путешествие. В 1087 году, во времена завоевания Малой Азии турками-сельджуками, останки святителя были перевезены в Италию купцами-христианами из города Бари, опередившими других охотников за святыми мощами – венецианцев. Поэтому сегодня мощи Николая находятся в этом городе на юге Апеннинского полуострова. Тем не менее, не зарастает народная тропа и в Демре, к взломанному тысячелетие назад мраморному саркофагу святого. Паломники рассказывают, что после посещения этого места меняется жизнь, сбываются заветные желания, открываются новые пути.

К сожалению, иные паломники, и таких было много, старались отколоть себе на память кусочек саркофага или даже написать на нем свое заветное желание. В связи с этим саркофаг сегодня закрыт стеклом. Прикоснуться к нему можно только через узкую щель для руки. Многие прикладывают к саркофагу иконки или крестики – на счастье и, опять же, для исполнения желания (до чего же неистребимо в нас стремление получить чудо с доставкой на дом!). Но не будем строги: все мы хотим обрести милость и благословение святителя Николая. И пусть реконструкция в храме длится уже много лет, а сам он считается памятником культуры – приехать сюда, безусловно, стоит, чтобы лично почувствовать силу и высокую намоленность места, которое освятил своим служением самый русский святой – Николай, Угодник Божий.

В Москве у Покровских ворот Белого Города, в часовне при богадельне храма Святой Троицы, что на Грязях, стояла чудотворная икона Святителя Николая, известная под названием «Никола Добрый». Предание относит этот редчайший образ Николая Чудотворца к домонгольской поре. С незапамятных времен она стояла в храме на Подоле в Киеве.

Церковь эту опекал благочестивый киевлянин Добрык. Однажды он решил отпустить своего пленника – знатного половца – на свободу, но взял с него слово, что тот пришлет за себя выкуп. Пленник поклялся перед образом Святителя Николая, что непременно так и сделает, но не выполнил своего обещания. Трижды Святитель Николай являлся нечестивцу и напоминал о его клятве, но язычник не придавал этому значения. Однажды в присутствии дружины неведомая сила сбросила половца с коня и начала невыносимо корчить. Опомнившись, он понял, что русский Бог не только сам, но и через своих святых может творить чудеса. Половец приехал в Киев, покаялся перед образом Святителя Николая и отдал Добрыку выкуп. После этого в Киеве появился образ Николая Чудотворца с клеймами, повествующими об истории Добрыка и половца. Икона получила название «Никола Добрый», а от нее – и киевский храм на Подоле.

В XVII веке список с этой иконы был привезен царю Алексею Михайловичу. Образ побывал в морских походах Петра Великого и был, по видимому, подарен царем последнему Валахо-Молдавскому господарю Дмитрию Константиновичу Кантемиру. В 1711 году Молдавия была присоединена к Российской Империи, а Кантемир получил титул Светлейшего князя и обширные земельные владения. Дмитрий Кантемир и его дети Матвей, Сергей и Мария имели дворы на Покровке. Сергей и Мария жили в приходе храма Троицы на Грязях и опекали богадельню при церкви, получившую название кантемировской. Они поставили в часовню у Покровских ворот один из списков иконы Николая Доброго, и образ этот прославился чудотворениями. В конце XVIII века после уничтожения Покровских ворот и часовни икона Николая Доброго была перенесена в храм Троицы на Грязях, а затем в придел новой церкви XIX века, посвященный святителю Николаю, Мирликийскому Чудотворцу. Ни один из списков редкой иконы не сохранился, однако в конце XIX столетия были опубликованы прориси с клейм этого образа, отражающие все мытарства и исцеление половца.

Добрык приводит Половчина к образу Святителя

Добрык отпускает Половчина с поручением

Святитель напоминает Половчину о его обещании

Святитель наказывает Половчина

**Память святителя Николая
Церковь празднует
дважды в году:
9/22 мая и 6/19 декабря**

Павел Демидов

Миссия любви и мученичества

В одном из недавних номеров «Лампады» нашим гостем и собеседником был известный кинорежиссер Владимир Хотиненко. Если читатели помнят, разговор, в частности, шел и о его последней работе – кинофильме «Поп», который поначалу назывался «Псковская миссия». Нас попросили рассказать подробнее о картине, точнее – о ее истоках, поскольку широкой публике факт этот почти неизвестен. К тому же уникальная страница нашей истории перекликается с темой номера.

Рабочее название нового фильма Владимира Хотиненко было «Псковская миссия». Искушенные в коммерции специалисты проката настоятельно рекомендовали изменить его на кассовое, которое якобы должно гарантировать сборы. Так появилось – «Поп», повторяющее название романа, с автором которого, Александром Сегиным, режиссер написал и сценарий. Трудно спорить с профессионалами, но, честно говоря, жаль, что не состоялось прежнее название. Жаль потому, что это не только мало кому известная страница истории Русской Православной Церкви, но страница к тому же героическая, мученическая, исполненная самоотвержения и любви. Подобной миссии человечество не знает.

Когда фашисты уже в первые месяцы Великой Отечественной войны захватили наши западные районы, Русская Православная Церковь поступила так, как единственно и могла поступить: оставаться со своим народом там, где он особенно нуждался в помощи и поддержке. Митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский), к тому времени еще и экзарх Латвии и Эстонии, создал на оккупированных землях Ленинградской, Новгородской, Псковской епархий, а также в Прибалтике Псковскую Православную миссию, священники которой помогли сохранить единство церковной жизни людей Православной веры.

«Врата ада» не одолели нашу Церковь. Она не только выстояла, но и торжествовала. Зажатая, словно в тисках, Церковь одержала абсолютную и безусловную победу как над Сциллой большевиков, так и над Харибдой нацизма. Не нужно обладать глубоким аналитическим умом, чтобы постичь эту истину. Судите сами. Немцы, чтобы извлечь для себя максимальную пропагандистскую пользу, постарались в пику большевикам представить этот акт как собственную намеренную лояльность к Православию. Но они не предполагали, что столкнутся с такой огромной тягой

ничего не оставалось, как продемонстрировать собственную лояльность, не уступающую фашистской. В стране смягчилось отношение государства к Церкви. Священников стали выпускать из лагерей и тюрем, прекратились аресты духовенства, начали открываться

В этом кадре из фильма суть и смысл всего: фашист, православный священник и девочка-еврейка, ради спасения которой о. Александр стал ей отцом

якобы обольщенных людей к исконным религиозным корням.

По воспоминаниям о. Алексия Ионова (прототип главного героя фильма), только в городе Острове, где он служил, за одной литургией причащалось от 500 до 800 человек, иной раз крестили одновременно до 80 младенцев. И это только в одной географической точке, от которой еще советы оставили практически церковное пепелище. В 1942 году на 221 храм Миссии приходилось 84 священнослужителя. Батюшки ездили по приходам порой до глубокой ночи. Иные храмы не могли вместить всех, и сотни людей теснились у паперти, жадно ловя каждое слово, звучащее из алтаря или с амвона. А русские левши изготавливали нательные крестики из... советских монет. Оккупантам, по сути, ничего не надо было делать специально, чтобы показать всем, как они якобы относятся к Русской Православной Церкви, – достаточно было лишь не мешать. И выходило, что двадцать с лишним лет кровавых большевистских репрессий в отношении Церкви не принесли ожидаемого результата. Разве это не победа?

Когда же советские войска вымели оккупантов с нашей земли, Сталину

храмы. Не нужно усматривать в этом некий естественный ренессанс церковной жизни или перемену в сознании советского диктатора – акт носил политический характер (что в скором времени подтвердилось), причин, породивших его, было немало, но, бесспорно, не последнее место среди них занимала деятельность Псковской миссии.

А что же собственно сама Миссия? Она в полной мере ощутила на себе всю тяжесть жизни как под тоталитарным прессом, так и под зыбкой терпимостью фашистского режима. С одной стороны, многие упрекали ее в коллаборационизме и обвиняли в предательстве, с другой – подозревали в тайном сотрудничестве с советскими спецслужбами. То и другое было одинаково обидно и опасно. Но Церковь свято выполняла свой долг. Словно именно к ней почти двумя тысячелетиями ранее обращался Христос в Своей Нагорной проповеди: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5, 11). В апреле 1944 года немцы убили главу Миссии Владыку Сергия. А осенью того же года, когда в освобожденной Прибалтике стала восстанавливаться

мирная жизнь, члены Миссии были арестованы органами НКВД и сосланы в концлагеря.

Нас отделяют от победного майского дня уже 65 лет. Ветеранов Великой войны осталось, увы, совсем немного. Но уходят люди, а память о них все равно остается. Вот только некоторые из них: митрополит Сергей (Воскресенский), протопресвитеры Кирилл Зайц и профессор Василий Виноградов, протоиереи Сергей Ефимов (под великий

праздник Преображения Господня, накануне приезда Миссии, он отслужил первую литургию в Троицком кафедральном соборе Пскова), Николай Колиберский и Николай Шенрок, священники Алексей Ионов, Владимир Толстоухов, Иоанн Легкий, Яков Начис, Федор Ягодкин, Георгий Бенисен, Сергей Ефимов, Ливерий Воронов, Андрей Пименов, Георгий Радецкий (переводчик)... К концу 1944 года в Миссии насчитывалось 175 только

служащих священников. Возможно ли назвать всех поименно в одной журнальной статье?

Думается, будь мы более внимательны и чутки к своей истории и, следовательно, к самим себе, специалистам кинопроката не понадобилось бы подбирать фильму «кассовое» название.

Некоторые данные заимствованы из статьи историка Константина Обозного «Псковская Православная миссия в 1941–1944 гг.».

Вячеслав Матвеев

Архипастырь, воин и просто батя

Трудно, наверно, мирскому, а тем более безверному человеку представить, как это в пик революционного угара вполне благополучный и светски прекрасно образованный юноша вдруг остав-

Вместе с иерейским крестом молодой священник едва ли не сразу после рукоположения принял крест мученический. Арест и тюрьма. Колымская ссылка. Кровавый 1937-й отец Александр, отбыв срок, встретил в Пензе, клириком местной церкви. А вскоре подоспела и Великая война. И почти незамедлительно иерею Александру Петину вручили повестку.

...Достроить аэродром они так и не успели: слишком уж быстро наступал враг. Но теперь была задача – не оказаться в плену, успеть догнать своих. Фашистские самолеты гонялись буквально за каждым советским бойцом. Патронов не жалели. Те, с кем отцу Александру довелось делить окопную судьбу, вспоминали, как во время обстрелов они старались держаться ближе к священнику, потому что вокруг него никогда не было убитых.

О чем нельзя не сказать. Своим внешним видом батюшка словно специально подчеркивал принадлежность к священническому сану. Длинные черные волосы и окладистая борода всегда были аккуратны – и в тюрьме, и на каторге, и на фронте. Всегда носил сапоги, светского платья не имел вовсе, одет был в подрясник и никогда не снимал наперсный крест. Даже на фронте.

Они пробивались к своим по минному полю. Об этом, правда, узнали, лишь когда взлетела на воздух головная телега. Но деваться было некуда. К тому же стало холодать, пошел снег, дорогу начало заносить. Идти с первой телегой никто уже не хотел, бойцы роптали. И тогда к отцу Александру подошел командир и передал слова остальных: если *батя* (так его все звали) перейдет на головную телегу, они пойдут за ним. Так велика была вера этих людей в силу Господню!

Дошли. И тогда батюшку свалила болезнь. С двухсторонним воспалением легких он, выйдя из окружения, попал в госпиталь, а по выздоровлении его комиссовали. Свое иерейское служение отец Александр продолжил в городе Кимры. Вместе со своими прихожанами как мог помогал товарищам по оружию: не раз посылал обозы с продовольствием в госпитали.

Священник Александр Петин был награжден медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне

ляет все и вступает на путь служения Господу. Кубанский казак Александр Петин окончил духовную семинарию, как раз когда богоборчество в России стало набирать силу.

1941–1945 гг.», а также получил благодарность от Верховного Главнокомандующего.

Позже отец Александр принял монашеский постриг с именем Никон, затем состоялась его хиротония во епископа и назначение на Донецкую кафедру. С ним приехал его племянник, будущий протоиерей Александр Кравченко. Владыка сказал Александру, что через несколько лет здесь будет цветущий край. Так и случилось. Восстановив из руин епархию, епископ Никон получил новое назначение – в Одесскую епархию, но попечение над Донбассом осталось за ним.

Сохранились сведения о том, что в честь годовщины освобождения Донбасса от фашистских оккупантов Владыка Никон организовал среди верующих сбор пожертвований для фронта. В сентябре 1944 года в фонд Красной Армии было передано 202 тысячи рублей.

Одесская епархия поднималась из руин усердными трудами и молитвами архиепископа Никона. Возродился и превратился в процветающую обитель Свято-Успенский мужской монастырь. Старожилы-одесситы до сих пор вспоминают гулявших там при Владыке Никоне павлинов. Молчаливым напоминанием о том времени стоит ныне в монастырском саду бронзовая статуя прекрасной птицы.

Храм святых мучеников Адриана и Наталии, архиерейская резиденция Владыки, восстановленная им и разрушенная в годы хрущевско-брежневского гонения, – ныне вновь радостно сияют золотом купола восставшей из руин церкви. Благодаря усилиям архиепископа Никона Свято-Успенский собор стал кафедральным, под сводами его нижнего храма и обрел Владыка в 1956 году свое земное пристанище.

Гроб с телом Владыки Никона несли на руках из храма святых Адриана и Наталии до Свято-Успенского кафедрального собора. Провожавших в последний путь правящего архиерея было так много, что на одесских улицах остановилось движение. Воистину, хоронить своего Владыку пришла вся Одесса, приехали и скорбящие богомольцы из Донбасса. Так окончил свой земной путь архиепископ Херсонский и Одесский Никон, в прошлом рядовой солдат и навеки воин Христов.

Лепта

В двух Евангелиях – от Марка (12, 42) и от Луки (21, 2) – повествуется о бедной вдове, положившей в сокровищницу, на нужды храма, две лепты, «всё, что имела» (Мк. 12, 44), как сказал о ее поступке Спаситель. Так и Церковь Христова, когда над нашей страной нависла опасность, вложила свою лепту в сокровищницу общей победы над врагом.

В первый же год войны православные храмы Москвы передали в Фонд обороны более 3 млн руб., церкви города Горького – более 4 млн руб., церкви города Куйбышева – более 2 млн руб. В православных монастырях нередко размещались госпитали и детские дома. Русская Православная Церковь объявила во всех действовавших храмах сбор средств в особый Фонд помощи детям, Московская Патриархия первой сдала 1 млн руб.

До Победы оставались дни и километры

РПЦ собрала ценностей и денег на 8 млн руб. и передала эти деньги на строительство танковой колонны Т-34-85 «Димитрий Донской». 7 марта 1944 года в торжественной обстановке митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич) передал танковую колонну – 40 танков Т-34 войскам – 516-му (огнеметному) и 38-му отдельным танковым полкам. Танки из колонны им. Димитрия Донского участвовали в освобождении Украины, Белоруссии, Молдавии, Польши, в составе 516-го полка дошли до Берлина.

Часть средств пришла с оккупированных территорий – священник из села Бродовичи-Заполье, что на Псковщине, был связан с партизанами. Он собирал для танковой колонны народные пожертвования: золотые монеты, церковную утварь, серебро и деньги, – всё было оценено в 500 тыс. руб. Ценности через партизан были переправлены на советскую территорию.

В 1943 г. саратовские клирики и православные миряне внесли 131 тыс. руб.

на восстановление Сталинграда, а новосибирские – 110 тыс. на строительство сибирской эскадрильи «За Родину». Особое значение в заключительный период войны имел начатый в октябре 1944 г. сбор средств в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. Еще в мае 1944 г. митрополит Алексей (Симанский) и его сестра А. Погожева передали свою дачу на станции Сиверская под детский дом для детей погибших солдат и офицеров. После освобождения части территории СССР ее духовенство и миряне также активно включались в патриотическую работу. Так, в Орле после изгнания фашистских войск было собрано 2 млн руб. День освобождения Донбаса (10 сентября) священники Ворошиловградской области ознаменовали в 1944 г. сбором 202 тыс. руб. в фонд Красной Армии. Монахи Киево-Печерской Лавры за 1944 г. внесли на оборону страны более 70 тыс. руб. и т. д.

На средства священника из Ижевска построено две «именных» машины – «Александр Невский» и «Димитрий Донской», на средства прихожан Саратова – 6 самолетов «Александр Невский». В частности, самолеты, построенные на средства РПЦ, поступили в 324-ю истребительную авиадивизию. Один самолет был построен на средства, собранные в советских баптистских общинах, – это был санитарный самолет «Милосердный самаритянин» для вывоза в тыл тяжелораненых солдат.

К 1 июня 1944 года сумма таких пожертвований достигла 390 тыс. руб. Митрополит Алексей внес 50 тысяч, а протодиакон Л.И. Егоровский, сдавший 49 тыс. руб., получил персональную телеграмму с благодарностью от Сталина. Всего же верующие ленинградцы за 1942 г. собрали 1485 тыс., а за 1943-й – 5051 тыс. руб.

Только за первые три месяца после прорыва ленинградской блокады было

Аминь!

собрано 1 млн 191 тыс. руб. Горожане горячо поддержали митрополита Алексея (Симанского), который 25 октября 1944 года обратился с посланием об открытии общецерковного сбора в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. Общая сумма патриотических взносов с июля 1941 по июнь 1945 года духовенства и мирян Ленинградской епархии составила 17423,1 тыс. руб.; в большинстве это были пожертвования жителей героического города.

Верующие охотно несли не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и другие вещи, обувь и прочее.

По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 года было собрано более 300 млн руб., не считая драгоценностей, вещей и продуктов.

Эта икона датирована 1914 годом. Удалось прочитать: «Явление Богородицы русскому отряду перед поражением германцев...» (далее неразборчиво). Россия всегда была под покровом Божией Матери

«...медаль за бой, медаль за труд»

Эта строка из поэмы Александра Твардовского «Василий Тёркин» («Из одного металла льют...») как нельзя подходит к тому, о чем мы хотим вам рассказать. В войну воины Христовы – православные батюшки – становились, когда того требовало время, воинами и в прямом смысле слова. А время требовало...

Митрополит Калининский и Кашиинский Алексей (Коноплев) во время Великой Отечественной войны был пулеметчиком, получил медаль «За боевые заслуги», маршал Л.А. Говоров наградил его грамотой. Естественно, за пулеметом батюшка был не в рясе, а в военной форме, не носил он в ту пору и бороду. В 1943 году, когда священников стали освобождать от армии, Владыка Алексей вернулся к служению.

Епископ Минский и Белорусский Василий (Рагмиров) был специально оставлен в городе Калинин с двумя (один под видом его секретаря, а другой – келейника) разведчиками. Они собирали сведения конспиративного характера и передавали их в Москву, а немцам – дезинформацию. После войны был награжден золотыми часами и боевой медалью. Решением Священного Синода возведен в сан архиепископа.

Вот что известно о связях священников с партизанами: настоятель Одрижинской Успенской церкви Ивановского района на Пинщине протоиерей Василий Копычко вел подпольную антифашистскую работу с первых месяцев войны. Он тайно зачитывал прихожанам послание Патриаршего местоблюстителя митрополита Московского Сергия (Страгородского) с призывом оказывать сопротивление оккупантам, сводки Информбюро и другую информацию. Помогал партизанам, собирал для них продукты, его дом стал явкой. Когда в 1943 году каратели обо всем узнали, то сожгли и жилье, и церковь. Батюшке и его семье удалось спастись, и они остались в партизанском отряде. Награжден медалями «Партизану Отечественной войны», «За победу над Германией в Великой Отечественной

войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Протоиерей Александр Романушко поддерживал постоянную связь с партизанами. Летом 1943 года батюшка во время отпевания убитого партизанами полицая на кладбище при большом скоплении людей сказал, что уби-

Димитрий Донской бил врага и в XIV, и в XX веке

тый – изменник Родины, и предложил полицаям уйти в партизанский отряд. Так вскоре и произошло: многие полицай перешли к партизанам.

Протоиерей Иоанн Ковальский во время оккупации спас двух красноармейцев с обмороженными ногами, пробиравшихся к своим частям. Отец Иоанн принял их и благодаря своей находчивости, смелости и мужеству укрыл во время вражеского обхода, а на следующий день указал бойцам безопасный путь к линии фронта, и они благополучно ушли.

Выдающийся хирург Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука. Во время войны оперировал раненых и больных в военных госпиталях. В 1946 году за книгу «Очерки гнойной хирургии» он был удостоен Сталинской премии. Этим трудом руководствовались

не только хирурги времен Второй мировой, но и долгое время после. Был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Священник Василий Дмитриевич Троицкий был награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «За оборону Кавказа», будучи начальником метеорологической станции в Грузии. Священник Петр Иванович Ранцев за боевые заслуги был награжден орденом Красной Звезды,

тремя боевыми медалями и несколькими благодарностями Верховного Главнокомандующего.

Более 50 советских священников были удостоены медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Сорока священнослужителям были вручены правительственные награды – медали «За оборону Ленинграда» и «За оборону Москвы». Несколько десятков представителей духовенства также были награждены медалью «Партизану Отечественной войны»

I и II степени.

Диакон Роман Чух был отмечен орденом Славы III степени и двумя боевыми медалями. Диакон Константин Глаголевский награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями.

*Публикации подготовил
Вячеслав Матвеев*

Использованы материалы:

Елев В.Л. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.; Кузнецов А. С кем был Бог в годы ВОВ? Одинцов М. Великая Отечественная война (1941–1945) и религиозные организации в СССР // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004;

Служить людям – это служить Господу

Рассказывает настоятель храма иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине протоиерей Георгий Полозов

Слово «социальный» связано с латинским «socium», «общее». Стало быть, социальный – это, по сути, общественный. Люди всегда отводили миссии социальной, или общественной, деятельности важное место. В древней Иудее существовал закон, согласно которому человек мог подвизаться на этом поприще лишь по достижении определенного возраста. Сам Иисус Христос, Сын Божий, подчинился этому требованию. Его социальное служение началось после принятия Им Святого Крещения, когда Ему исполнилось 30 лет.

В нашем Знаменском храме дело социального служения началось с организации сестричества, которое утвердил еще наш прежний Патриарх, Алексий II. Одним из самых первых шагов стала организация помощи инвалидам-колясочникам, то есть тем, кто не может ходить, и вообще людям с тяжелыми заболеваниями опорно-двигательного аппарата, сердечникам и одиноким старикам. Очень пригодилось надлежащее медицинское образование, которое, как оказалось, имели некоторые из наших прихожан. Но поначалу работа не была скоординирована и потому велась довольно бессистемно. Сегодня же на нашем приходе есть специалист, социальный работник, который четко и слаженно организует и ведет дело. Когда говоришь о том, с чего и с кого все начиналось, на память, прежде всего, приходят два имени – Раиса Васильевна Бирюкова и Анна Михайловна Жигалина. Это их усилиями некогда первые робкие шаги на пути социального служения превратились сегодня в устойчивое и заметное дело.

За каждым из 14 приходов нашего Всехсвятского благочиния ныне закреплены лечебные, социальные и детские учреждения. На каждом уже созданы или создаются службы помощи добровольцев, которые оказывают помощь прихожанам, одиноким старикам, инвалидам и пенсионерам. Нужно сказать, что характер социальной работы с годами практически не изменился. Да и чему тут меняться? Старость – всегда старость. Болезни – тоже. А об одиночестве и вовсе говорить не приходится: оно всегда одинаково. Меняется масштаб работы – ее становится все больше, меняются возможности – они, к счастью, тоже растут. Стоит отметить, что наша группа волонтеров берет под особое внимание тех прихо-

жан, кто сами не могут выйти из дома. Социальный работник приносит продукты, вес которых не должен превышать два килограмма. Это, например, пакет молока, пачка сахара и буханка хлеба. Купить и принести картошку или помыть окна – уже работа не его, а добровольцев. Такая волонтерская работа на нашем приходе уже ведется. Помню, как в начале 1990-х годов я побывал во Франции и впервые именно там, зайдя в католический храм, обратил внимание на стену самого храма, которая вся буквально была увешана объявлениями: Кружок ветеранов, Кружок помощи инвалидам, Кружок помощи многодетным одиноким матерям, Паломнический кружок и так далее. Безусловно, священник сам не может выполнять всю работу один, он, прежде всего, координирует, а помощь оказывают прихожане-добровольцы. Помню, что уровень социального служения, с которым я познакомился тогда в католическом храме во Франции, произвел сильное впечатление. По возможности, постарался применить европейский опыт организации социального служения у нас на приходе. А в общем, все возвращается к тому, как было в нашей Церкви до революции.

Особо хочу сказать вот о чем. Рядом с нашим храмом находится красивая старинная усадьба – бывшее имение Грачевых. Теперь там Московская областная больница восстановительного лечения, реабилитационный оздоровительный центр. Только по милости Божией этому чудесному зданию и парку удалось не попасть в лапы предприимчивых людей и продолжать служить людям. У нас очень хорошие отношения с главным врачом больницы, Сергеем Михайловичем Крашниным. Он известен не только как талантливый врач, но и как организатор и администратор, по-

нынешнему, менеджер. Зданию усадьбы уже много лет, ему ежегодно требуется поддерживающий ремонт: то фасад поправить, то отремонтировать коммуникации, которых, надо сказать, довольно много, и все они весьма ветхи. А здание само по себе уникальный памятник архитектуры. И только благодаря Сергею Михайловичу оно сохраняет надлежащий вид. Наши священники и дьяконы регулярно посещают больных, обходят палаты, проводят беседы, помогают людям постепенно воцерковляться. Мы устраиваем для пациентов больницы концерты. Так что наше соседство приносит людям исцеление не только физическое, но и духовное.

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине окормляет Детскую инфекционную клиническую больницу № 6, врачи которой регулярно обращаются к нам за помощью. И это приносит нам большую радость. И как не радоваться, когда многие из ребятишек принимают вначале Таинство Крещения, а затем приобщаются и Святым Христовых Таин. Наш храм окормляет Центр социального обслуживания населения района «Ховрино». Не первый год действует у нас благотворительная паломническая служба – для определенной категории наших прихожан и для инвалидов. Семнадцатый год наш храм издает «Лампаду» – прежде газету, а теперь вполне сложившийся, цветной журнал, в котором, я надеюсь, будет напечатана не только эта заметка, но и другие публикации, посвященные социальной работе на нашем приходе.

Записала Екатерина Гончарова

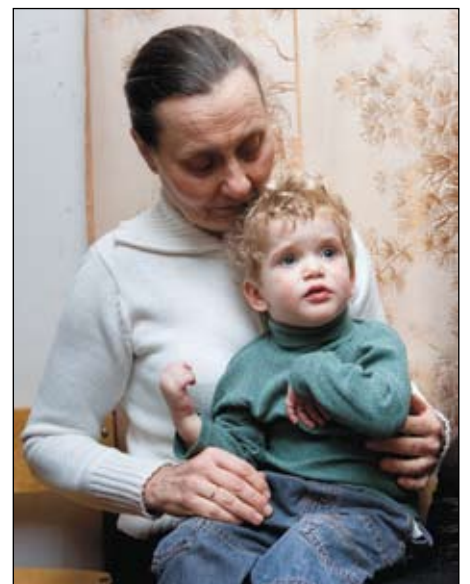

Далее — всегда

Как рождаются традиции? А вот так. Сначала возникает потребность. Быть может, еще не до конца осознанная, но настойчиво напоминающая о себе. Не дающая успокоиться. Потом начинается поиск: в чем же она, эта потребность? И когда приходит ответ, остается... начать. Так, во всяком случае, было в храме иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине. Все вроде на приходе было ладно и складно – службы чинно велись, разнообразная работа спорилась, однако, чувствовал настоятель: пастве требовалось что-то еще? Что же? И однажды словно осенило: душа жаждет красоты. В представлении отца Георгия это могла быть... классическая музыка. Так в церковной ограде зазвучали Шопен, Шуман, Лист... Здесь стали давать концерты.

На этот раз солистка – Татьяна Титова, лауреат международных конкурсов, ученица, а теперь ассистент профессора Веры Горностаевой. Ведущей концерта – Екатерине Галицкой – уже хорошо знакомы и этот маленький зал, и аудитория. А как входит в душу музыка Генделя, Бетховена и Шопена, из программы нового, теперь уже третьего по счету, концерта, видно по лицам слушателей.

Фотоочерк Евгения Борисова

Как свет далекой звезды

«Таких продолжительных и подробных бесед обо всех сторонах жизни у меня еще никогда ни с кем не было, да и, вероятно, уже не будет», – признался Святейший.

Вот-вот книга появится на прилавках, а Алексия II уже полтора года, как нет с нами... Словно свет далекой звезды: погасла, а ее зримый след только доходит до нас, пробиваясь сквозь пласты мироздания. И будет еще долго идти...

Эта книга не нуждается в традиционном рецензировании. Она говорит о себе сама. Ее герой и одновременно соавтор едва ли уступит кому-то в трезвости собственных оценок, своих желаний и поступков. Не случайно нынешний Предстоятель Русской Православной Церкви Кирилл предпослал книге в качестве эпиграфа следующие строки: *«Великая и вечная благодарность Святейшему Патриарху Алексию II за все, что сделал он для народа Божия, для его духовного возрождения!»*

Итак, откроем перед читателем титульный лист:

СУДЬБА ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ II

Беседы на переломе тысячелетий

Вместо предисловия КАК АЛЕКСИЙ II ВЫКРАИВАЛ ВРЕМЯ

– Таких продолжительных и подробных бесед обо всех сторонах жизни у меня еще никогда ни с кем не было, да и, вероятно, уже не будет, – признался нам Святейший, когда наша работа уже приближалась к завершению.

А начиналось все весной 2001 года, когда мы, журналисты «Известий» и «Собеседника» (Валерий Коновалов и Михаил Сердюков – «Лампада»), были представлены Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Произошло это благодаря нашей давней дружбе с замечательными братьями-бизнесменами Василием и Сергеем Толстуновыми. Они родились и долгое время жили в Киргизии, но душой всегда пребывали в России, а верой своей – в Православии.

Так вот, их крестным отцом был известный богослов и православный публицист – митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Именно у него возникла идея подготовить к 40-летию патриаршей хиротонии памятную книгу. За помощью вла-

дыка обратился к своим крестникам, а те уже – к нам.

И вот однажды перед нами растворились ворота рабочей резиденции Патриарха на Чистом. Через несколько минут мы, страшно волнуясь, подошли к Патриарху Алексию – за благословением.

Представились. Святейший улыбнулся, сказал: «Милости просим» – и пригласил рассаживаться за огромным рабочим столом. Напряжение как рукой сняло, хотя и происходило все в розовой гостиной Патриархии – помещении, где обычно заседал Священный Синод и проводились официальные встречи, всяческие торжественные церемонии, вплоть до вручения церковных наград.

Мы рассказали Патриарху о нашем замысле: получить ответы на самый широкий круг вопросов – от биографических и мемуарных до богословских и актуальных. Так, чтобы читатели смогли составить свое представление о взглядах и позициях главы Русской Церкви по самым разнообразным проблемам, а также узнать о том, какой он человек, что любит, о чем вспоминает,

Святейший с его любимым кошатником

Валерий Коновалов (в центре) и Михаил Сердюков на беседе у Патриарха Алексия II

о чем мечтает, о чем тревожится. Для многих такая книга могла бы стать помощью и в жизни, и в вере.

– Хорошо, – сказал Святейший. – Будем работать. Что требуется от меня? Месяц расписан наперед: каждый день и час. Написание книги не учтено. Что же делать?

– Готовы ночами работать, – заверили мы.

– Ночами отдыхать следует, – заметил Патриарх. – Ну, хорошо, придется, видимо, мне еще поднапрячься – буду выкраивать время. Звоните...

Потом мы встречались неоднократно. В разных резиденциях, поездках по стране, на службах в Троице-Сергиевой Лавре и в других местах. Довелось нам побывать и в Перedelкино, где жил Патриарх. Помним, с какой любовью показывал он своих самых нежных друзей – собачек, кошечек, козочек... В коровнике, куда мы заглянули однажды, при появлении Патриарха все его обитатели тут же встали как по команде. «Здесь тоже субординация?» – изумились мы. «Да я же их кормлю с руки – вот и вскакивают...»

Так создавалась эта книга. Вопросы с каждым днем становилось все больше, но Святейший не роптал. На какие-то отвечал сходу, что-то требовало времени. В таких случаях Патриарх брал «тайм-аут» – и мы через определенное время получали ответы в письменном виде. Часть бесед проводились просто в пожарном порядке: ответы Святейшего по актуальным вопросам требовались газетам, с которыми мы сотрудничали и где интервью с ним шли, можно сказать, с колес. Так про-

Александра Блинова

Не хватило одного кургана

Станица и граница. Эти слова не только рифмуются – они связаны немалым внутренним смыслом. Там, где проходит граница – между странами ли, между географическими или промышленными регионами, между горными хребтами или берегами рек, – непременно оседают люди. Так случилось когда-то и с кубанской станицей Курганинская.

должалось практически до последнего земного дня Патриарха Алексия. Очередная встреча у нас планировалась в Вене, на освящении отреставрированного Свято-Николаевского собора. Патриарха готовились встречать Глава австрийской епархии епископ Иларион (ныне митрополит Волоколамский), венские прихожане, среди которых находятся сегодня и наши дорогие друзья, с которых эта история собственно и началась, – Василий и Сергей Толстуньковы, поменявшие место жительства, но не Бога в душе.

Не случилось всем нам встретиться вновь, Господь рассудил иначе.

Книга содержит 33 главы, которые охватывают всю жизнь 15-го Патриарха Русской Православной Церкви, начиная буквально с младенческих лет. Под названием каждой из глав – своего рода анонсы-аннотации, дающие представление о содержании. Вот некоторые из них.

Почему рухнула советская империя; Что дало прибалтам Православие; История моего нательного крестика; Почему иноки не плачут на похоронах; Как монахи Сретенского монастыря победили пьянство в соседнем колхозе; Атеизм – это тоже идеология; Нужен ли в школе Закон Божий? Рай на земле – плохая идея; Почему Александровский собор не удалось превратить в планетарий; КГБ и Церковь; Главный признак конца света; Политкорректность вместо любви; Чего не хватает русскому человеку; С оптимизмом повременю; Можно ли считать патриотизм коллективной гордыней; Личная встреча с Богом; Крещение чиновников – Ю.М. Лужкова, Е.М. Примакова, М.М. Касьянова; Воцерковление В.В. Путина – это тайна его спасения; Мои надежды на Д.А. Медведева; Молебен в Кремле 7 мая 2008 года; Уха из угря – что-то невообразимое; Моя любимая икона; Мой ближайший помощник – владыка Кирилл; Мой протест против монетизации; Как правильно добывать грибы; Секрет патриарших рыжиков; Почему спасенный цыпленок стал «Московской барыней»; Считаю Льва Толстого гением; Пугачевой предпочитаю классику и Зыкину; «Страсти по Матфею» епископа Илариона помогут верующим; Не пропустить «Время»; Нам не надо равняться на Америку; Главная потеря – разрушен храм Божий в душе.

Фото Сергея Кравца

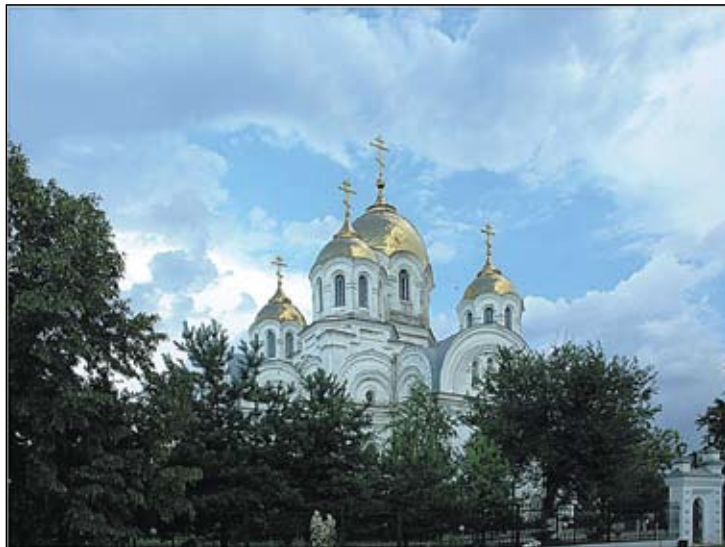
Сначала это было небольшое поселение на границе с Кавказом. Переехали туда в 1853 году около двухсот казачьих семей. И первый станичный атаман, по легенде, приказал составить перепись всех курганов окрест и, если наберется сотня, назвать станицу Стокурганной. Насчитали девяносто девять...

Как всякий православный народ, казаки первым делом начали с церкви. Осветили ее в честь Казанской иконы Божией Матери. Первым настоятелем стал герой Крымской войны священник Василий Миловидов. Храм был маленький, под камышовой крышей. Входил в Ставропольскую епархию во главе с правящим архиереем святителем Игнатием (Брянчаниновым). На заре богоборчества, в 30-е годы прошлого века, церковь сравнивали с землей.

Во многом усилиями атамана Трофима Зинченко в Курганинской удалось возвести новый храм Божий – огромную красавицу Свято-Вознесенскую церковь.

Сохранилось удивительное свидетельство – «Страницы из жизни комсомольца 20-х годов Одинцова Б.П.»: *Хорошо помню атамана Зинченко – хороший был хозяин, в станице при нем была построена церковь кирпичная, хорошая. Правление было построено, школы казачьи и для иногородних детей. Была построена железная дорога. Была начата стройка шоссе. Городской сад был, летний театр, в саду были лодки, карусели, оркестр духовой играл.*

Однако «недолго музыка играла» – вскоре православный храм был

отдан обновленцам, а затем и вовсе осквернен и разрушен. Перед войной здание приспособили под зернохранилище, что большевики делали почти повсеместно. От высокой влажности погибла штукатурка, но именно новая профессия храма спасла его от окончательного разрушения.

В лучшую сторону ситуация изменилась лишь в 1990-е годы. Восстановили внутреннее убранство, заменили купола. Сегодня золоченые маковки видны в любую погоду и из любого конца нынешнего города Курганинска. С 2001 года храм стоит на учете как памятник архитектуры. К столетнему юбилею почта России выпустила конверты с изображением Свято-Вознесенского храма. Работают церковноприходская в честь Александра Невского и воскресная школы, где учатся и взрослые. Есть библиотека с фондом около четырех тысяч книг. А еще по благословению нынешнего настоятеля создан футбольный клуб «Альфа».

Не стала станица Стокурганной, но зато прославилась тем, что здесь снимался, как теперь говорят, культовый советский фильм «Кубанские казаки» со знаменитыми Сергеем Лукьяновым, Мариной Ладыниной и Кларой Лучко в главных ролях.

Кэролин Рис: «Искать больше не надо»

Женщина в монашеской одежде на столичной улице в наше время уже не в диковинку. Но тут случай особый. Таких инокинь, как матушка Корнилия, ответственно заявляю, в Москве больше нет. Да и во всей России, пожалуй, тоже.

По происхождению своему и национальности она стопроцентная американка. По вере – русская православная.

Кэролин Рис, так звали прежде матушку Корнилию, выросла в преуспевающей американской семье. Ее отец – крупный промышленник, известный изобретатель. Брат – знаменитый нейрохирург. Одна сестра – скрипачка, другая – невропатолог, третья – театральный продюсер.

Сама же она успешно занималась филологией и юриспруденцией. Но при этом, хотя и ходила с детства с матерью в протестантскую церковь, все-таки продолжала искать свою веру. Истину в вере. Себя в вере.

Однажды она пришла в православную общину, послушала проповеди священников и лекции богословов.

– И вдруг я почувствовала, что истина именно здесь, – рассказывала мне Корнилия. – Всё, решила я тогда, искать больше не надо. Теперь только надо менять себя, кардинально. После этого я приняла Крещение в Православии и отправилась в Россию.

Встреча с Псково-Печерским монастырем, с его старцами, прежде всего – с архимандритом Иоанном Крестьянским, стали, по ее словам, важнейшими событиями в жизни. Потом был монашеский постриг, уже в Америке. И служение в небольшой православной обители, затерянной в горах Калифорнии. Ей пришлось отказаться от всего привычного в

прежней жизни. И освоить самые разнообразные послушания. Она колола дрова и носила воду, шила и готовила еду.

Одним из ее послушаний в монастыре стали переводы богословских текстов с русского на английский. А потом появился совместный с московским Сретенским монастырем проект – издание для американских читателей книги писем отца Иоанна Крестьянкина. Книга вышла очень серьезным для такого рода изданий тиражом и разошлась в США необычайно успешно. Оказалось, что спрос на русскую православную книгу среди американцев велик, вопреки ожиданиям даже некоторых организаторов проекта. И Сретенский монастырь теперь уже привлекает матушку Корнилию к продолжению сотрудничества в этом направлении. Ее же успех проекта ничуть не удивил.

– Я уже убеждалась, – говорила она, – что среди американцев отношение именно к русскому православию в последнее время очень сильно меняется. Это не просто рост интереса, но качественно другой интерес. Ведь раньше для американцев русское православие было экзотикой, можно сказать – этнографической религией. Им оно было интересно в той мере, в какой помогло изучить и понять русских. Но что-то произошло. Наверное, это связано

Матушка Корнилия

в какой-то мере с деятельностью отца Серафима Роуза. Хотя, конечно, есть и объективные причины. Все больше американцев стали открывать для себя то, что открылось, например, и мне. То, что именно в этой вере – Истина и самый надежный путь к Богу.

Нынешнее послушание матушки Корнилии – очередные переводы православной литературы с русского на английский. Поэтому она временами живет в Москве и очень интенсивно сотрудничает с издательством Сретенского монастыря, участвует в разнообразных совместных проектах, где применимы ее глубокие знания и любовь к русскому православию, русской культуре.

Вместе с делегацией Русской Православной Церкви и хором Сретенского монастыря матушка Корнилия участвовала в кругосветном путешествии по приходам Русской Зарубежной Церкви. Восстановление единства Русской Церкви лично для нее стало огромной радостью. Как и для каждого русского православного человека.

Граф Шереметев мечтает быть полезным Родине

Мы познакомились в русском православном соборе американского города Сан-Франциско. Среди прихожан выделялась эффектная пара – величественная пожилая женщина и высокий юноша. Они стояли скромно и тихо молились, но что-то особенное, то, что называют аристократизмом, проступало в их движениях и осанке. Первое впечатление не обмануло.

– Вы прихожанин этого собора? – спросил я юношу после окончания службы.

– Нет, мы ходим в другой храм, а сюда пришли с мамой, чтобы поклониться иконе, которую привезли из России. Позвольте представиться: Николай Шереметев.

– Из тех самых?!

– Из младшей ветви.

– Что это значит?

– Наш родоначальник – фельдмаршал граф Борис Петрович Шереметев, который скончался в 1719 году. У его правнука, графа Димитрия Николаевича, было два сына – старший Сергей и младший Александр. Так вот, мой папа, Георгий Александрович, – родной правнук графа Александра Димитриевича, ушедшего в мир иной в

1931 году, а я, соответственно, – праправнук. Мама моя, Мария Николаевна, тоже из потомственных дворян – Ревуцких. Так трагически сложилась жизнь наших семейств, что в результате государственного переворота 1917 года и гражданской войны пришлось на долгое время расстаться с Родиной. наших предков рассеяло по миру. Папа родился в Париже, мама – в Брюсселе, а я – уже здесь, в Сан-Франциско.

– Кто ваши родители по профессии?

– Папа занят туристическим бизнесом, мама – университетский преподаватель.

– А ваш выбор каков?

– Мне сейчас 18 лет. Я окончил здешний французский лицей и буду учиться в университете на инженера.

– И где потом работать?

– Пока не знаю. Но есть такая мечта, чтобы моя работа была как-то полезна России.

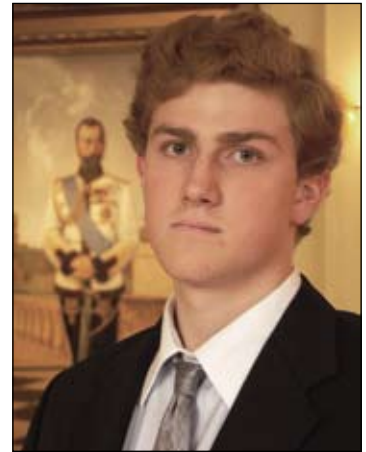
– Вы в России уже бывали?

– Да, еще подростком вместе с родителями я впервые в жизни оказался на Родине своих предков. Это было удивительное чувство. Вам, может быть, трудно представить, как это прекрасно, когда вокруг все говорит по-русски, а ты имеешь возможность свободно общаться на родном языке. Мы были в Москве, в Оптиной пустыни, а еще заезжали в поселок, где когда-то находилось наше родовое имение. Там произошло чудо. Когда мы зашли

в церковь, неожиданно замироточила икона. Это было потрясением для всех. И для нас особенно.

– Что еще поразило в России?

– Было странно видеть памятники Ленину и другим большевикам. Эти люди уничтожали русский народ, разрушали храмы. А ведь церкви – это то, что позволяет нам оставаться русскими. Когда я впервые оказался в России, то понял, что был уже на Родине и раньше. Это случилось, когда в Америке я приходил в русский православный храм. Наверное, если ты родился и живешь в России, не часто приходится задумываться: почему ты русский, что значит быть русским? А нам от таких вопросов не уйти. И понимаешь, что вера, история и язык делают твою душу русской. Поэтому Россия для меня Родина, русские – родня, а мечта моя –

Юный граф Шереметев

найти такой проект в жизни, который будет мне интересен, а моему народу полезен.

Русские в Чикаго

Вот что удивительно: именно в наш храм Покрова Пресвятой Богородицы, хоть и находится он довольно далеко от центра, от основных городских магистралей, регулярно приезжают из разных районов Чикаго не только русские, но и украинцы, сербы, болгары, белорусы, греки, верующие других национальностей.

Этот город часто называют своеобразным символом США. Своеобразным потому, что речь при этом чаще всего идет о криминальных страницах истории страны, связанных с гангстерскими войнами, мафией, преступным бизнесом. Но все уже в прошлом. Сейчас Чикаго выглядит, скорее, символом благополучия и модерна – роскошные небоскребы, красивые пляжи, стильная архитектура. Город населен людьми многих национальностей, вероисповеданий.

Андрей Иванченко с крестницей Моникой-Натальей и ее родственниками

И религиозная жизнь здесь достаточно разнообразна. Представлены и различные Православные Церкви. Но особой популярностью, как уже было сказано, пользуется Покровский собор. Это объясняют его особой атмосферой, а также тем, что только здесь службы постоянно идут на церковнославянском языке.

Долгое время основой здешнего прихода были семьи эмигрантов первой волны. Однако в последние десятилетия картина заметно изменилась. Среди прихожан преобладают уже недав-

ние переселенцы из Советского Союза, из России. Один из них – староста храма Юрий Юсупов – рассказывал мне, как непросто складывались отношения между старожилками-эмигрантами и новоиспеченными американцами. Водоразделом зачастую становилось отношение к современной России и к Московскому Патриархату. Недоверие к Москве было традицией старших поколений прихожан. Но постепенно лед тронулся. И воссоединение Русской Церкви приветствовали здесь дружно.

Юрий – преуспевающий бизнесмен. Для него Чикаго – это место работы, а Родина – Россия. Первое время он просто оказывал собору финансовую поддержку. А потом был избран старостой.

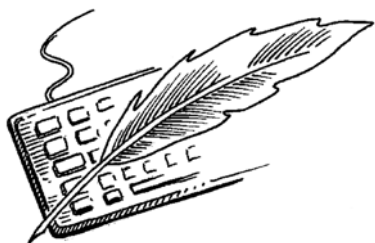
Еще один из прихожан – Андрей Иванченко – пришел на службу с крестницей. Это американская чернокожая девочка Моника-Наталья. Ее родители всю жизнь были далеки от Православия, но в последнее время все чаще заходят в Покровский собор. А дочь свою решили крестить в Православии. Андрей рассказывает, что это движение душ закономерно. Его дочь готовится к свадьбе с молодым человеком ирландского происхождения, католиком, который тоже намерен обратиться в Православную веру.

Сам Андрей – выпускник Кубанского мединститута, приехал сюда, уже изрядно поездив по миру. Искал, где применить свои способности. В Чикаго дело пошло.

– Сильно помогло мне то, что с первого дня хожу здесь в храм, – рассказывал мне Андрей. – Еще не найдя даже жилья, уже нашел эту церковь. Точнее сказать, меня нашла вера. Она здесь настоящая. И это чувствуют все больше людей разных национальностей. Ведь Православие дает возможность понимать все. И здесь, в Америке, очень многие люди уже понимают, что эта вера – не экзотика и не бегство от реальности, а наоборот – единственная реальность, которая наполняет светом все остальное.

Фото Вячеслава Сачкова

ОДИНОКИЙ И НЕПОНЯТЫЙ

Николай Семёнович Лесков – уроженец одной из наиболее типичных губерний России, он – орловец. В роду его были священники, купцы, дворяне; таким образом, писатель объединил в себе кровь нескольких сословий, но очень вероятно, что наиболее глубокое влияние оказал на него человек не кровной с ним связи – солдатка-нянька, крепостная.

К тридцати годам Лесков объездил всю Великороссию, побывал в степных губерниях, долго жил на Украине. Он взялся за труд писателя зрелым человеком, превосходно вооруженный не книжным, а подлинным знанием народной жизни. Прекрасно чувствовал то неуловимое, что называется душою народа.

Литературная деятельность Лескова началась тяжелой для него драмой, которая могла бы и не разыгаться, относись русские интеллигенты друг к другу более внимательно и бережно. Летом 1862 года в Петербурге возникли подозрительно частые пожары, кто-то пустил слух, что этим занимаются студенты. Лесков напечатал в газете статью, требуя, чтоб власть или представила ясные доказательства обвинения, или немедля и решительно опровергла клевету. Кое-кто, то ли по легкомыслию и недалекости, то ли умышленно истолковал статью превратно: будто бы именно Лесков приписывает поджоги буйному студенчеству. Опрокинутый нелепым обвинением, не имея друзей и защитников, не сумев защитить сам себя, Лесков, новичок и чужой в литературном мире, уехал в Прагу, потом – в Париж и там, страдая от обиды, нанесенной ему, написал книгу «Некуда». В этом романе почти все люди – злые или смешные уродцы, они оторваны от действительности, бессильны, болтливы, хвастливы, и всем им «некуда» идти.

Роман возбудил общее негодование, его сочли доносом на революционеров и единодушно обругали. Дошло до того, что известный критик Писарев спрашивал в своей статье: «Найдется ли хоть один честный писатель, который согласится работать в одном журнале с Лесковым?» Это было почти убийство. Ожесточенный до бешенства, Лесков, что называется, в мгновение ока пишет большой роман «На ножах», в котором нигилисты изображены еще менее привлекательно, чем в предыдущем романе.

После этого произведения литературное творчество Лескова сразу становится яркой живописью, или, скорее, иконо-

писью – он начинает создавать для России иконостас ее святых и праведников. В семидесятые годы выходит великолепная книга «Соборяне», и Лесков начинает печатать один за другим свои рассказы.

Господствовавшему в литературе стершемуся языку Лесков противопоставляет тщательную работу над словом. Сказ и стилизация – основные приметы его творческого почерка. Почти во всех рассказах повествование ведется через рассказчика, особенности говора которого Лесков стремится передать. Одной из своих главных заслуг он считает *постановку голоса*, заключающуюся «в умении овладеть голосом и языком своего героя и не сбиваться с алтвов на басы. В себе я старался развивать это умение и достиг, кажется, того, что мои священники говорят по-духовному, мужики — по-мужицкому, выскочки из них и скоморохи — с выкрутасами и т. д. От себя самого я говорю языком старинных сказок и церковно-народным в чисто литературной речи». Все это делало вещи Лескова музеем всевозможных говоров. Одним из излюбленных приемов языка Лескова были искажения речи и *народная этимология* непонятных слов. Мелкоскоп, долбица умножения, популярный советник, вексельбанты, хап-фрау, непромокабли, укушетка, верояции и пр. встречаются у Лескова на каждой странице, оскорбляя ухо его современников и навлекая на него обвинения в *порче языка, вульгарности, шутовстве, вычурности и оригинальничании*. Причудливость и антикварная манера письма вместе с богатством фабульных моментов и остротой сюжетных ситуаций делают Лескова мастером новеллы, вносящим в так называемую высокую литературу элементы своеобразного изысканного лубка («Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе», «Леон Дворецкий сын», «Заячий ремиз» и др.). За автором «Левши» остается, однако, звание бытописателя определенной среды и одного из лучших мастеров русской прозы.

Люди его рассказов часто говорят сами о себе, но речь их так изумительно

жива, так правдива и убедительна, что они встают пред вами таинственно ошутимы, физически ясны. Строгие критики часто упрекали Лескова в том, что он искажает язык. А он просто писал в ту пору, когда в русскую речь широкою волною хлынула масса иностранных слов из переводных, научно-популярных сочинений. «Гарантия», «субсидия», «концессия», «грюндерство» и прочие словечки, за которыми таились очень скверные понятия и дела, не могли не раздражать Лескова, человека насквозь русского, тонко знающего родной язык и влюбленного в его красоту.

Русские люди издревле живут преимущественно чувством веры.

Лесков в совершенстве обладал редким даром вдумчивой, зоркой любви и способностью глубоко чувствовать муки человека, слишком разнообразные и обильные. Он любил Русь, всю, какова она есть, со всеми нелепостями ее древнего быта, любил затрепанный чиновниками, полуголодный, полупьяный народ и вполне искренно считал его способным ко всем добродетелям, но он любил все это, не закрывая глаз, – мучительная любовь, она требует все силы сердца и ничего не дает взамен. В душе этого человека странно соединялись уверенность и сомнение, идеализм и скептицизм. В рассказах Лескова все почувствовали нечто новое и враждебное заповедям времени, канону народничества. Одним это новое казалось глумлением балагура, другим – злобою крепостника и реакционера, и почти никому не нравилась форма его рассказов. Лесков сумел не понравиться всем. Вышло так, что писатель, открывший праведника в каждом сословии, во всех группах, никому не понравился и остался в стороне, в подозрении; все единодушно признали его политически неблагонадежным.

Так и жил этот крупный писатель в стороне от публики и литераторов, одинокий и непонятый почти до конца дней.

ВЕХИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Родился **4 (16) февраля 1831** в селце Горохово Орловского уезда Орловской губернии.

В **1841** поступил в орловскую гимназию, но учился неровно.

В **1846**, не выдержав переводных экзаменов, начал службу писцом в Орловской палате уголовного суда.

В **1857** стал служить в частной компании дальнего родственника, англичанина А.Я. Шкотта.

В **1861** началась интенсивная работа в периодике.

С января **1864** начал печататься роман «Некуда».

1865 – очерк «Леди Макбет Мценского уезда».

1866 – очерк «Воительница».

1869 – хроника «Старые годы в селе Плодомасове».

1872 – хроника «Соборяне», рассказ «Запечатленный ангел».

1873 – повесть «Очарованный странник». Выдержана в сказовой манере: автор «прячется» за рассказчика, избегая однозначных оценок. В дальнейшем сказовая форма стала самой продуктивной у Лескова, давшей характерные образцы его стиля (сказ «Левша», 1881; рассказ «Тупейный художник», 1883 и др.).

1874 – хроника «Захудалый род».

Начиная с **1860-х** годов и до последних дней, Николай Лесков много пишет о религиозной жизни русского общества.

Лесков был блестящим стилизатором, имитировавшим язык XVIII в. (цикл рассказов «Заметки неизвестного», 1884), владевшим эзоповской манерой (повесть «Заячий ремиз», 1894), любившим красочный стиль (легенда «Прекрасная Аза», 1887), умевшим писать и изысканно просто (рассказ «Под Рождество обидели», 1890). Заслуженно Лескова художника оценили только в XX веке. Скончался **21 февраля (5 марта) 1895** в Санкт-Петербурге.

ЧТО ЧИТАТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Хроника

Соборяне

Повести и рассказы

Запечатленный ангел

Одному

Очарованный странник

Тупейный художник

Христос в гостях у мужика

(Рождественский рассказ. Посвящается христианским детям)

Настоящий рассказ о том, как сам Христос приходил на Рождество к мужику в гости и чему его выучил, я сам слышал от одного старого сибиряка, которому это событие было близко известно. Что он мне рассказывал, то я и вам передам его же словами.

* * *

Наше место поселенное, но хорошее, торговое место. Отец мой в эти места прибыл за крепостное время в России, а я тут и родился. Имели достатки по своему положению довольные и теперь не бедствуем. Веру держим простую, русскую¹. Отец был начитан и меня к чтению приохотил. Который человек науку любил, тот был мне первый друг, и я готов был за него в огонь и в воду. И вот послал мне один раз Господь в утешение приятеля Тимофея Осиповича, про которого я и хочу вам рассказать, как с ним чудо было.

Тимофей Осипов прибыл к нам в молодых годах. Мне было тогда семнадцать лет, а ему, может быть, с чем-нибудь за двадцать. Поведения Тимоша был самого непотыдного. За что он прибыл по суду за поселение – об этом по нашему положению, щадя человека, не спрашивают, но слышно было, что его дядя обидел. Опекуном был в его сиротство да и растратил, или взял, почти все наследство. А Тимофей Осипов за то время был по молодым годам нетерпеливый, вышла у них с дядей ссора, и ударил он дядю оружием. По милосердию Создателя, грех сего безумия не до конца совершился – Тимофей только ранил дядю в руку насквозь. По молодости Тимофея большого наказания ему не было, как из первогильдийных купцов сослан он к нам на поселение.

Имень Тимошино хотя девять частей было разграблено, но, однако, и с десятою частью еще жить было можно. Он у нас построил дом и стал жить, но в душе у него обида кипела, и долго он от всех сторонился. Сидел всегда дома, и батрак да батрачка только его и видели, а дома он все книги читал, и самые божественные. Наконец мы с ним познакомились, именно из-за книг, и я начал к нему ходить, а он меня принимал с охотою. Пришли мы друг другу по сердцу.

¹ То есть герой принадлежит к староверам.

* * *

<...>

И он открыл мне, что дядя смертно огорчил его отца, свел горем в могилу его мать, оклеветал его самого и при старости своих лет улестил и угрозами понудил одних людей выдать за него, за старика, молодую девушку, которую Тимоша с детства любил и всегда себе в жену взять располагал.

– Разве, – говорит, – все это можно простить? Я его в жизнь не прощу.

– Ну да, – отвечаю, – обида твоя велика – это правда, а что Святое Писание тебя не пользует, и то не ложь.

А он мне опять напоминает, что я слабже его в Писании, и начинает доводить, как в Ветхом Завете святые мужи сами беззаконников не щадили² и даже своими руками заклали. Хотел он, бедняк, этим совесть свою передо мной оправдать.

А я по простоте своей ответил ему просто.

– Тимоша! – говорю, – ты умник, ты начитан и все знаешь, и я против тебя по Писанию отвечать не могу. Я что и читал, откроюсь тебе, не все разумею, поелику я человек грешный и ум имею тесный. Однако скажу тебе: в Ветхом Завете все ветхое и как-то рябит в уме двойственно, а в Новом – яснее стоит. Там надо всем блистает: «Возлюби да прости»³, и это всего дороже, как злат ключ, что всякий замок открывает. А в чем же прощать, неужели не в самой большой вине?

Он молчит.

Тогда я положил в уме: Господи! Не угодно ли воле Твоей через меня сказать слово душе брата моего? И говорю, как Христа били, обижали, заплевали и так учредили, что одному Ему нигде места не было, а Он всех простил.

– Последуй, – говорю, – лучше сему, а не отомстительному обычаю.

А он пошел приводить большие толкования, как кто писал, что иное простить, яко бы все равно, что зло приумножить.

Я на это упровергать не мог, но сказал только:

² См.: Евангелие. Деяния Святых Апостолов, 2:23.

³ См.: Евангелие от Матфея, 5:44.

– Я-то опасаясь, что «многие книги безумным тя творят»¹. – Ты, – говорю, – ополчись на себя. Пока ты зло помнишь – зло живо, – а пусть оно умрет, тогда и душа твоя в покое жить станет.

Тимофей выслушал меня и сильно сжал мне руку, но обширно говорить не стал, а сказал кратко:

– Не могу, оставь, мне тяжело.

Я оставил. Знал, что у него болит, и молчал, а время шло, и ubyло еще шесть лет, и во все это время я за ним наблюдал и видел, что все он страдает, что если пустить его на всю свободу да если он достигнет где-нибудь своего дядю, – забудет он все Писание и поработает сатане мстительному. Но в сердце своем я был покоен, потому что виделся мне тут перст Божий. Стал уже он помалу показываться, ну так верно и всю руку увидим. Спасет Господь моего друга от греха гнева. Но произошло это весьма удивительно.

* * *

Теперь Тимофей был у нас в ссылке шестнадцатый год, и прошло пятнадцать лет, как он женат. Было ему, стало быть, лет тридцать семь или восемь, и имел он трех детей и жил прекрасно. Любил он особенно цветы розаны и имел их у себя много и на окнах, и в палисаднике. Все место перед домом было розанами покрыто, и через их запахи был весь дом в благовонии.

И была у Тимофея такая привычка, что как близится солнце к закату, он непременно выходил в свой садик и сам охорашивал свои розаны и читал на скамеечке книгу. Больше, сколь мне известно, и то было, что он тут иногда молился.

Таким точно порядком пришел он раз сюда и взял с собой Евангелие. Поглядел розаны, а потом присел, раскрыл книгу и стал читать. Читает, как Христос пришел в гости к фарисею² и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимофею нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Так жаль, что он заплакал о том, как этот богатый хозяин обошелся со святым гостем. Вот тут в эту самую минуту и случилось чуду начало, о котором Тимоша мне так говорил.

– Гляжу, – говорит, – вокруг себя и думаю: какое у меня всего изобилие и довольство, а Господь мой ходил в та-

кой бедности и унижении... И наполнились все глаза мои слезами, и никак их сморгнуть не могу; и все вокруг меня стало розовое, даже самые мои слезы. Так вроде забытья или обморока, и воскликнул я: «Господи! Если бы Ты ко мне пришел – я бы Тебе и себя самого отдал».

А ему вдруг в ответ откуда-то, как в ветерке розовом, дохнуло:

– Приду!

* * *

Тимофей с трепетом прибежал ко мне и спрашивает:

– Как ты об этом понимаешь: неужели Господь ко мне может в гости прийти?

Я отвечаю:

– Это, брат, сверх моего понимания. Как об этом в Писании?

А Тимофей говорит:

– В Писании есть: «Все Тот же Христос ныне и во веки»³, – я не смею не верить.

– Что же, – говорю, – и верь.

– Я велю что день на столе Ему прибор ставить.

* * *

Тимофей велел жене с другого же дня ставить за столом лишнее место. Как садятся они за стол пять человек – он, да жена, да трое ребятишек, – всегда у них шестое место в конце стола почетное, и перед ним большое кресло.

Жена любопытствовала: что это, к чему и для кого? Но Тимофей ей не все открывал. Жене и другим он говорил только, что так надо по его душевному обещанию «для первого гостя», а настоящего, кроме его да меня, никто не знал.

Ждал Тимофей Спасителя на другой день после слова в розовом садике, ждал в третий день, потом в первое воскресенье – но ожидания эти были без исполнения. Долгодневны и еще были его ожидания: на всякий праздник Тимофей все ждал Христа в гости и истомился тревогою, но не ослабевал в уповании, что Господь Свое обещание сдержит – придет. Открыл мне Тимофей так, что «всякий день, – говорит, – я молю: “Ей, гряди, Господи!” – и ожидаю, но не слышу желанного ответа: “Ей, гряди скоро!”»⁴

Разум мой недоумевал, что отвечать Тимофею, и часто я думал, что друг мой загордел и теперь за то путается в

³ Евангелие. Послание к Евреям Святого Апостола Павла.

⁴ Евангелие. Откровение Святого Иоанна Богослова, 22:20.

напрасном обольщении. Однако Божие смотрение о том было иначе.

* * *

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимофей приходит ко мне на сочельник и говорит:

– Брат любезный, завтра я дождусь Господа.

Я к этим речам давно был безответен и тут только спросил:

– Какое же ты имеешь в этом уверение?

– Ныне, – отвечает, – только что я помолил: «Ей, гряди, Господи!» – как вся моя душа во мне всколыхнулась и в ней словно трубой вострубило: «Ей, гряди скоро!» Завтра Его святое Рождество – и не в сей ли день Он пожалует. Приди ко мне со всеми родными, а то душа моя страхом трепещет.

Я говорю:

– Тимоша! Знаешь ты, что я ни о чем этом судить не умею и Господа видеть не ожидаю, потому что я муж грешник, но ты нам свой человек – мы к тебе придем. А ты если уповательно ждешь столь великого гостя, зови не своих друзей, а сделай Ему угодное то-варищество.

– Понимаю, – отвечает, – сейчас пошлю услужающих у меня и сына моего обойти села и звать всех ссыльных – кто в нужде и бедствии. Явит Господь дивную милость – пожалует, так встретит все по заповеди.

Мне и это слово его тоже не нравилось.

– Тимофей, – говорю, – кто может учредить все по заповеди? Одно не разумеешь, другое забудешь, а третье исполнить не можешь. Однако, если все это столь сильно «трубит» в душе твоей, то да будет так, как тебе открывается. Если Господь придет, Он все, чего не достанет, пополнит, и если ты кого Ему надо забудешь, Он недостающего и сам приведет.

Пришли мы в Рождество к Тимофею всей семьей, попозже, как ходят на званый стол. Так он звал, чтобы всех дожидаться. Застали большие хоромы его полны людей, всякого нашенского, сибирского, засыльного роду. Мужчины и женщины и детское поколение, всякого звания и из разных мест, – и российские, и поляки, и чухонской веры. Тимофей собрал всех бедных поселенцев, которые еще с прибытия не оправились на своем хозяйстве. Столы большие, крыты скатертями и всем чем надобно. Батрачки бегают, квасы и чаши с пирогами расставляют. А на дворе уже смеркалось, да и ждать больше было

¹ Цитата из Библии в древнерусском переводе (Екклесиаст, 12:12).

² См.: Евангелие от Луки, 7:36,44.

некого: все послы домой возвратились, и гостям неоткуда больше быть, потому что на дворе поднялась метель и вьюга, как светопреставление.

Одного только гостя нет и нет, — который всех дороже.

Надо было уже и огни зажигать да и за стол садиться, потому что совсем темно понадвинуло и все мы ждем в сумраке при одном малом свете от лампы перед иконами.

Тимофей ходил и сидел и был, видно, в тяжкой тревоге. Все упование его поколебалось: теперь уже видное дело, что не бывать «великому гостю».

Прошла еще минута, и Тимофей вздохнул, взглянул на меня с унылостью и говорит:

— Ну, брат милый, — вижу я, что либо угодно Господу оставить меня в посмеянии, либо прав ты: не умел я собрать всех кого надо, чтоб Его встретить. Будь о всем воля Божия: помолимся и сядем за стол.

Я отвечаю:

— Читай молитву.

Он стал перед иконою и вслух зачитал: «Отче наш, иже еси на небеси», а потом «Христос рождается, славите, Христос с небес, срящите¹, Христос на земли...»

И только это слово вымолвил, как внезапно что-то так страшно ударило со двора в стену, что даже все зашаталось, а потом сразу же прошел шум по широким сеням, и вдруг двери в горницу сами вскрылись настежь.

Все люди, сколько тут было, в неопisanном страхе шарахнулись в один угол, а многие упали, и только кои всех смелее на двери смотрели. А в двери на пороге стоял старый-престарый старик, весь в худом рубище, дрожит и, чтобы не упасть, обеими руками за притолки держится; а из-за него из сеней, где темно было, — неописанный розовый свет светит, и через плечо старика вперед в хоромину выходит белая как из снега рука, и в ней длинная глиняная плошка с огнем, такая, как на беседе Никодима пишется... Ветер с вьюгой с надворья рвет, а огня не колышет... И светит этот огонь старику в лицо и на руку, а на руке в глаза бросается заросший старый шрам, весь побелел от стужи.

Тимофей как увидел это — вскричал:

— Господи! Вижду и приму его во имя Твое, а Ты Сам не входи ко мне: я

¹ Срящите — встречайте.

человек злой и грешный. — Да с этим и поклонился лицом до земли. А с ним и я упал на землю от радости, что его настоящей покорностью тронуло, и воскликнул всем вслух:

— Вонмем²: Христос среди нас!

А все отвечали:

— Аминь, — то есть «истинно».

Тут внесли огонь; я и Тимофей поклонились от полу, а белой руки уже не видать — только один старик остался.

Тимофей встал, взял его за обе руки и посадил на первое место. А кто он был, этот старик, может быть, вы и сами догадаетесь: это был враг Тимофея — дядя, который всего его разорил. В кратких словах он сказал, что все у него пошло прахом: и семьи, и богатства он лишился, и ходил давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощения. И жаждал он этого, и боялся Тимофеева гнева, а в эту метель сбился с пути и, замерзая, чаял смерти единой.

— Но вдруг, — говорит, — кто-то неведомый осиял меня и сказал: «Иди, согрейся на Моем месте и поешь из Моей чаши», взял меня за обе руки, и я стал здесь, сам не знаю отколе.

А Тимофей при всех отвечал:

— Я, дядя, твоего Провожатого ведаю: это Господь, который сказал: «Аще алчет враг твой — ухлеби его, аще жаждет — напои его»³. Сядь у меня на первом месте — ешь и пей во славу Его и будь в дому моем во всей воле до конца жизни.

С той поры старик так и остался у Тимофея и, умирая, благословил его, а Тимофей стал навсегда мирен в сердце своем.

Так научен был мужик устроить в сердце своем ясли для рожденного на земле Христа. И всякое сердце тоже может быть такими яслями, если оно исполнит заповедь: «Любите врагов ваших, благотворите обидевшим вас»⁴. Христос придет в сердце его, как в убранную горницу, и сотворит Себе там обитель.

Ей, гряди, Господи; ей, гряди скоро!
1881

Примечания и сноски в рассказе сделаны самим автором.

² Вонмем — слушайте (буквально: восслушаем).

³ Евангелие. Послание к Римлянам Святого Апостола Павла, 12:20.

⁴ Из заповедей Христа, обращенных к апостолам и народу Иудеи (Евангелие от Матфея, 5:44 и от Луки, 6:27).

Христос в гостях у мужика

Тупейный художник

Леди Макбет Мценского уезда

Левша

Дмитрий Шеваров

Бабочка на ладони

Сколько нынче заботности, униженности и немой тоски в русских лицах... Вот едешь в электричке, глядишь на попутчиков и отчего-то тут же вспоминаешь окна брошенных деревенских изб. Все реже можно встретить простую ободряющую улыбку и застенчивый тихий взгляд. Неужели безвозвратно тает в нас тот свет, что из рода в род таинственно передавался? Нет, не может того быть... И озаряет память имя – Венецианов!

Художник, чьи образы пленяли нас в детстве со страниц старого альбома или бабушкиного журнала «Крестьянка», вдруг приходит к нам с утешением. Венецианов будто говорит своими работами: вот он какой, народ наш, в родниковой глубине своей и пребует он таким во веки. И как не верить мастеру, любясь «Анисьей» или «Девушкой в платке», чьи ясные глаза посылают нам надежду сквозь века.

Светлоликие венециановские крестьянки... Такие земные, милые и одновременно загадочные, трепетные, как те бабочки-крапивницы, что садятся им на руки. Эти бабочки перелетают у Венецианова с картины в картину, от одной девушки к другой, как посланное Творцом напоминание о святости и хрупкости жизни.

Алексей Гаврилович Венецианов родился в Москве 7 февраля 1780 года. За полвека до того предки живописца приехали в Россию из Греции, поселились в Нежине, где получили «прозвище Венециано».

Гаврила Юрьевич, будущий отец художника, женился на дочери московского купца Калашникова, Анне Лукичине. В Москве он занялся продажей саженцев, ягодных кустов, да лукович диковинных по тому времени тюльпанов. Благо москвичи в XVIII веке жили среди садов, огородов и парков. Торговля шла бойко.

Алёша с малых лет помогал отцу. Как-то домашние стали замечать, что мальчишка все чаще пропадает в саду и рисует там цветы. Нашелся старичок Пахомыч, должно быть, рисовальщик вывесок, который научил Алёшу составлять краски, натягивать холст на подрамник, прокрашивать и просушивать полотно.

После окончания пансиона Алексей поступил на службу в Чертежное управление и одновременно продолжал занятия рисованием. Быстро освоил пастель, которая тогда только входила в моду. В 1802 году отправился в Петербург, где надеялся стать настоящим художником. Дал объявление в газете: «Венецианов, списывающий предметы с натуры пастелем в три часа, живет у Каменного моста в Рижском кофейном доме». Но никто не обратил внимания на это объявление. Столица и позднее встречала Алексея Гавриловича с холодным равнодушием. Зато как любил Венецианов возвращаться в Москву! Здесь, по его словам, он всегда находил «рассыпчатую приветливость и порхающую ласку».

Ему было уже далеко за тридцать, когда он встретил свою любовь. Марфа Азарьева, дочь бедного дворянина из Тверской губернии, приехала тогда погостить в Петербург к родственникам. После свадьбы выяснилось, что жить Алексею и Марфе негде, а снимать дом

в Петербурге слишком дорого. И тут

родителям молодых удалось собрать сумму, достаточную для покупки небольшого имения. Так в 1818 году было куплено Сафонково, маленькое имение в Поддубской волости Вышневолоцкого уезда Тверской губернии.

Вскоре в Сафонково вырос двухэтажный дом, где на свет появились две малышки – Александра и Фелицата. Необычное имя было дано младшей дочери в честь раннехристианской мученицы. Впрочем, в доме порывистую и бойкую девочку звали на русский лад Филенькой. Обстоятельную и тихую Сашу – Сашурушкой.

В Сафонково семья художника очутилась в самом добром окружении. Венециановых почитали соседи, многие из них остались на портретах художника. Духовником и любимым собеседником Алексея Гавриловича стал священник из села Поддубье отец Василий Владимиров.

Художник быстро зарекомендовал себя рачительным хозяином. Выстроил скотный двор и молочную ферму. В Сафонково появились школа и больница. Алексей Гаврилович видел в звании помещика нелегкий крест: «...Наши обязанности очень тяжелы, ежели их выполнять... Как ни кинь, а все выйдет, что не крестьянин в крепостном состоянии, а помещик, понимающий вполне свои отношения к крестьянину...»

Саша вспоминала: «Крестьяне наши папеньку очень любили, и он заботился о них как отец. У нас самый бедный крестьянин имел двух лошадей, но большей частью по четыре и по шесть, постройки у всех порядочные...»

По письмам Венецианова видно, что он жил с крестьянами одной жизнью. «Мои завтра поедут в Рождественское,

Автопортрет. 1811.

Государственная Третьяковская галерея

ПАМЯТЬ

7 февраля 2010 года исполнилось 230 лет со дня рождения А.Г. Венецианова. В этот день в Спасском храме села Венецианова (бывшем Сафонкове) прошла поминальная служба. В городе Удомля, в окрестностях которого жил художник, состоялась конференция «Имя Венецианова в истории русского искусства». Летом в селе пройдет Всероссийский пленэр с участием знаменитых художников. Полотна, вышедшие из-под их кисти, послужат первым шагом к появлению здесь картинной галереи имени Венецианова.

Несколько лет назад имя Венецианова было присвоено Тверскому художественному училищу. В Вышнем Волочке в честь великого живописца названы одна из улиц и сквер, расположенный в центре города. Там же стоит и замечательный памятник Алексею Гавриловичу Венецианову, созданный скульптором Олегом Комовым.

Жнецы. Конец 1820-х. Государственный Русский музей

Вот-те и батькин обед. 1824. Государственная Третьяковская галерея

Спящий пастушок. 1823-1826. Государственный Русский музей

а я дома стану косить... У меня половину выкошено, с понедельника хочу класть и молотить на Семена...» (август 1842 г.)

Незадолго до гибели, измотанный хлопотами, он писал друзьям в Петербург: «Здесь я завидую последнему из моих крестьян в том, как немного ему надо для обеспечения счастья и теперь, в святки, с каким полным наивным удовольствием он скачет, навыворот шубу, в соломенной шапке, под звуки бабьих песен и гармоники...»

Алексей Гаврилович был очень домашним человеком, а Марфа Афанасьевна умела создавать обстановку уюта и покоя. В одном из писем Венецианов писал, что в дальней дороге, когда «в виду одни версты и часы», он коротает время, согреваясь «теплой целью» и мечтою «обнять близких душе».

Девочки росли в атмосфере любви. Саша вспоминает в своих мемуарных записках: «Детство наше было самое счастливое, безмятежное, родители нас любили и утешали, сколько позволяло их ограниченное состояние...»

К несчастью, Марфа Афанасьевна умерла очень рано. Сашуре было пятнадцать лет, Филеньке тринадцать, когда они остались без матери. Алексею Гавриловичу пришлось одному поднимать их на ноги. Его письма полны тревогой о судьбе дочек. «...Я уже в 62 года кое к чему привык, а для бедных моих девочек плохо без сердечного приюта...»

Старшая дочь помогала отцу по дому, и он с гордостью писал другу: «Сашичка делается хорошей хозяйкой; входит во все подробности...»

Дом Венециановых оставался гостеприимным и радушным, в нем всегда жили несколько учеников Алексея Гавриловича, здесь находили ночлег монахи и паломники, бродяги и нищие. Не удивительно, что доверчивые огни усадьбы Сафонково влекли и людей, нечистых на руку. Однажды, воспользовавшись отъездом Алексея Гавриловича, они одурачили юных хозяек, вступили в сговор с прислугой и утащили из дома сундуки с приданым Филицаты и Александры.

Венецианов много ездил по Тверскому краю, изучая его древности и поклоняясь святым местам. Особенно он полюбил Кашин, о котором он писал друзьям в Петербург: «Я там видел не одну церковь такую, которая едва к земле придерживается, а вся улетает в облака...»

В Теребицком монастыре среди иконописцев Венецианову встретился хромой молодой человек, назвавшийся Никифором Крыловым. Тут же растирал краски юный подмастерье Алексей Тыранов. Венецианов увидел в юношах большую склонность к живописи и решил попробовать развить их способности. Так в Сафонково возникла первая в России художественная школа для крестьянских отроков, вошедшая в мировую историю живописи под именем *школы Венецианова*.

**ЧТО ПРОЧИТАТЬ
О ХУДОЖНИКЕ**

Алексей Венецианов / Авт. текста Тамара Кожевникова. Альбом из серии «Мастера живописи». М.: «Белый город», 2001.

Леонтьева Г.К. Алексей Гаврилович Венецианов. Серия «Жизнь в искусстве». Л.: «Искусство», 1988.

Петинова Е.Ф. Венецианов в Петербурге. СПб.: Лениздат, 1992.

Работы А.Г. Венецианова можно увидеть в Третьяковской галерее (Москва), Русском музее (С.-Петербург), в Тверской картинной галерее, в Рязанском художественном музее, в Новгородском музее-заповеднике.

В 1828 году на иждивении Алексея Гавриловича были тринадцать молодых художников, чьи работы с успехом выставлялись в Петербурге. За двадцать лет существования школы через нее прошли более 70 учеников. Семь из них были крепостными, и Венецианову стоило огромных усилий выкупить их на волю. Но на воле молодых людей поджидали такие искушения, которые они не всегда были способны выдержать. И тогда Алексея Гавриловича посещали горькие сомнения: «Может быть, Тыранов, Зарянок – с аршинами, Михайлов, Славянской, Алексеев – с сохами и топорами гораздо счастливее, беззаботнее были бы, нежели теперь с кистями...»

Тем, кто неравнодушен к нашей культуре в ее лучших проявлениях, наверняка давно знакомо это имя – Дмитрий Геннадьевич Шеваров. Первые же его еще газетные публикации привлекли внимание и глубиной исследований, и точностью оценок, и собственным – чистым и красивым – русским языком. Дмитрий родился на Алтае, в Барнауле, получил профессию журналиста в Уральском государственном университете им. Горького (Свердловск). После службы в армии работал в Вологде в областной газете. С 1989 года – в «Комсомольской правде», где вел авторскую страницу «Митина любовь», посвященную русской культуре и литературе. С 1997 года – обозреватель педагогической газеты «Первое сентября». Лауреат премии Союза журналистов («Золотое перо России») и премии Москвы в области журналистики. Член Союза писателей Москвы. Автор книг прозы «Жители травы» (М.: «Воскресенье», 2000), «За живой водой» (Екатеринбург: ИД «Пакрус», 2001), «Освещенные солнцем. Добрые

лица XX века» (М.: «Московские учебники», 2004). На выходе новая книга (М.: «Феория»). Он автор антологии для детей «Хорошо дома» (Минск: издательство Свято-Елисаветинского монастыря, 2009) и книг-альбомов детского творчества (в соавторстве с о. Дмитрием Котовым) «Истории с ладошкой» и «Наше родное».

Живет Дмитрий в Подмоскovie. Несколько лет преподавал в воскресной школе при храме Спаса Нерукотворного Образа (г. Долгопрудный).

Отец двух дочерей-студенток.

Жена – преподаватель словесности в гимназии.

В нашем журнале Дмитрий Шеваров будет вести в качестве обозревателя разделы СТРАНА КРАСОК – рассказы о выдающихся живописцах нашей Родины (сегодня мы публикуем первый выпуск), СТРАНА СЛОВ (продолжение антологии русской литературы) и нашу ЛАМПАДКУ (страничку для детей и про детей).

Последним его учеником суждено было стать крепостному садовнику Григорию Сороке. Сохранилось письмо Алексея Гавриловича своему соседу помещику Милюкову, у которого работал Сорока: «Почтеннейший Николай Петрович!.. Хочу я Вам о Григории несколько слов написать... Одарен он талантом и прилежанием к художеству непомерными и многого уже достиг. Григорий – силища русская, самобытная... Ну да увидимся и тогда более и более поговорим... Чистосердечно Вас уважающий ваш покорный слуга Венецианов-Сафонковский...»

Алексей Гаврилович вместе с мастерством передал ученикам лучшие качества своей души: вдумчивость, деятельную доброту, бережное и любовное отношение к людям, истинную интеллигентность.

Александра Венецианова отмечала в своих «Записках»: «...Хотя ни один из учеников Алексея Гавриловича не отличался особенным образованием, но никто из них не пошел дурным путем; и те, которые сошли со сцены художественной деятельности, сошли с нее тихо, скромно, удалились в мирные уголки России, унеся с собой добрые начала...»

Эти же добрые начала сумели сохранить в себе и дочери Венецианова. После трагической гибели отца они оказались в крайней нужде, не получили от государства никакой помощи, судьбы девушек складывались трудно, но их сердце оставалось полно любви и света.

На закате своей жизни, в 1894 году, Фелицата Алексеевна добилась от Академии художеств учреждения стипендии имени А.Г. Венецианова для наиболее успевающих учащихся Высшего художественного училища «бедного состояния, без различия звания и вероисповедания». Своих средств у Фелицаты Алексеевны не было, но одна ее близкая знакомая, дочь дьячка, завещала на эти благотворительные цели свой капитал. Стипендию Венецианова до революции успели получить десятки талантливых студентов из провинции.

Почему бы сейчас не возродить эту стипендию на тех же условиях? Возможно, это лучшее, что могла бы сделать Академия в память о великом художнике, заслуги которого при его жизни она отказывалась признать.

Ведь не без участия Академии художеств тогдашние власти осыпали милостями посредственных западных живописцев, а созданную Венециановым школу лишили всякой поддержки. Придворные академики живописи чувствовали, что их монополии угрожает деревенская школа вчерашних крепостных. Напрасно в последние годы жизни Венецианов хлопотал о месте профессора в Академии художеств в Петербурге или в Училище живописи и ваяния в Москве – все двери перед ним закрылись.

Чтобы не дать семье и ученикам погибнуть с голоду, Алексей Гаврилович вынужден был заложить имение. Спасали церковные заказы. У Венецианова был большой опыт иконописца – в Петербурге он писал образа для Смольного собора и для церкви Обуховской больницы.

Вместе с учениками Алексей Гаврилович расписывает храм в Николо-Теребенском женском монастыре. После разорения в революцию монастырь долго пребывал в запустении. Несколько лет назад началось его восстановление, затеплились свечи. В 2009 году средства массовой информации сообщили, что венециановские фрески в монастыре стали чудесно обновляться. Это удивительное явление подтвердили и специалисты*.

Последняя же работа Алексея Венецианова была связана с написанием иконы Преподобного Макария Калязинского. В XV веке этот святой основал меж двух озер вблизи Кашина уединенную пустынь, где впоследствии прославился кротостью, исцелениями больных и даром учительства.

«Ах, как бы мне хотелось приступить к этому святому делу...», – писал Венецианов 2 ноября 1846 года. Но ему долго не удавалось найти канон для изображения святого. Вместе с Сашурой он искал описание внешности святого в летописях и житиях.

Саша вспоминала через много лет: «Он хотел где-нибудь достать образ этого угодника, как вдруг видит во сне и образ, и дом, в котором он может достать его. Действительно, образ нашелся у одного помещика, где бывал Венецианов, но не знал о существовании там этого образа...»

Владельцем иконы оказался генерал Енгалычев из села Лощемли. А сон этот удивительный приснился Алексею Гавриловичу по дороге из Калязи-

Девушка в платке. 1830-е. Государственная Третьяковская галерея

на, куда он ездил советоваться к архимандриту и остановился на ночь в селе Молдине.

4 декабря 1847 года Венецианов повез готовые эскизы в Тверь, на обледенелой дороге лошади понесли и разбили повозку. Алексей Гаврилович погиб на месте...

Один из самых авторитетных знатоков русского искусства Савва Васильевич Ямщиков говорил мне о Венецианове: «Это такой чистый мастер, которого можно сравнить только с иконописцами Древней Руси. Ученик Боровиковского, прекрасно владевший всеми достижениями европейской живописи. Мастер психологического портрета, тончайший интеллигент, близко знакомый с Карамзиным, Жуковским, Пушкиным, Гоголем. И вот именно ему было дано утвердить в русском искусстве народный, живой идеал красоты...»

Увы, нам не суждено увидеть работы Венецианова во всей их полноте. В 1855 году в Сафонково случился пожар, сгорели многие картины, библиотека.

Но бабочки Венецианова храбро летят сквозь века, чтобы в погожий час опуститься на прохладные девичьи руки.

* В «Лампаде» №1 за 2010 год был напечатан очерк об этом монастыре и рассказывалось о чудесном обновлении фресок.

Если бы мне сейчас было пять лет, моим любимым поэтом был бы Олег Бундур. Во-первых, фамилия у него красивая – как будто на даче в пустую железную бочку кричишь: «У-У-У!», а тебе из бочки: «БУНДУР!». Во-вторых, стихи у него короткие, бравые и весёлые. Настоящие мальчишеские стихи. В общем, очень жаль, что мне не пять лет. Но хоть мне на сорок лет больше, чем пять, мне почему-то все равно ужасно нравятся стихи Олега Бундура. Когда я первый раз прочитал стихи Олега, то подумал: чтобы писать такие стихи, надо жить на Севере и работать полярным доктором. Недавно я узнал, что Олег живет в северном городе Канадалакие и работает врачом.

Олег Бундур

ЗА ПАПИНОЙ СПИНОЙ

БЕЛЫЙ КОРАБЛЬ

И вот всё готово!
Прощайте, пора!
Стоит под парами
Мой белый корабль,
Отправимся в море,
Увидим кита,
А я – за штурвалом,
А я – капитан!
Команде приказ:
– Якоря поднимать! –
Да жаль, что команду
Никак не собрать –
У мамы дела,
И у папы дела,
Потом штормовая погода
Была...

ВОЗВРАЩЕНИЕ С ПРОГУЛКИ

Шёл дождь, и ветер с ног сбивал,
Устала мама, я устал,
Казалось, нету больше сил,
Но тут нас папа заслонил,
И мы за папиной спиной,
Как за каменной стеной!

Ещё чуть-чуть – и наш порог,
Теперь идти надёжней,
Уже не ветер – ветерок,
Уже не дождь, а дождик!

ПОЛЁТ

Говорят: ах, полёт, высота!
Говорят: ах, простор, красота!
Только нет никакой красоты,
Разговоры об этом пусты –
Знаю это я наверняка:
Я сегодня летел
С чердака...

ЗАПАХИ ДНЯ

Если мы строгаем, клеим –
Пахнет день столярным клеем,
Если лесом день пропах –
Мы с корзинками в руках,
Если дымом от костра –
На рыбалке мы с утра,
А ничем не пахнет день,
Значит, к нам подкралась лень...

СВОБОДА

Если можно гулять весь день,
Если можно ходить везде,
Если делаешь все, что хочется,
Не свобода это,
А одиночество...

В КУПЕ

Под вагонный стук колёс
Засыпая, думал пёс:
– Впечатление, как будто
Не купе – собачья будка,
Но будка лучше потому,
Что в ней живут по одному.

ДОЖДИК

Ранним утром,
Ровно в пять
Вышел дождик
Погулять.
Торопился по привычке –
Вся земля просила пить,
Вдруг читает на табличке:
«По газонам не ходить».
Дождь вздохнул печально:
«Ох»!
И ушёл,
Газон засох.

ХОЧЕТСЯ СПАТЬ

По утрам
Тут и там
Двери хлопают –
В детский сад
Наугад
Ножки топают,
Двери хлопают
И скрипят,
Ножки топают,
Глазки спят.

ПОГОВОРИМ...

Время свободное –
Некуда деть!
Как хорошо
Друг на друга глядеть!
Как хорошо
Говорить обо всём,
Что было, что есть
И что будет потом.
Я б только этим
И занимался...
Как хорошо –
Телевизор сломался!

Станислав Олефир – один из самых замечательных писателей, пишущих о природе. Если оглянуться на отечественную литературу, то таких писателей у нас было совсем немного: С. Аксаков, М. Пришвин, И. Соколов-Микитов, В. Бианки, Н. Сладков, Е. Чарушин, Г. Скребицкий... Увы, имя Олефира известно пока не самому широкому кругу читателей (книжки о природе издаются сейчас редко и скупо), но я уверен, что скоро его рассказы войдут в хрестоматии русской словесности. Станислав Михайлович Олефир – по образованию учитель. Преподавал химию и биологию в Магаданской области. Подолгу жил в стойбищах оленеводов, рыболовецких станах, охотничьих избушках. Станислав Олефир – лауреат литературной премии «Заветная мечта» за книгу рассказов «Мы живем на Севере».

Станислав Олефир

ЧТО СНИТСЯ ПТИЦАМ?

ИЗБУШКИ

Сколько брожу по тайге, никогда не встречал двух похожих избушек. И совсем не потому, что построены они из разного материала, а оттого, что строили их разные люди. И каковы эти люди, таковы и их жилища. Хитрый и ленивый ставит избушку тесную, хлипкую. В такой ночевать – беды наживать. И дрова не горят, и сквозняки гуляют, и за шиворот каплет.

У доброго избушка просторная, уютная. У веселого – пусть немного кособокая, но обязательно с большим, на весь мир, окном и озорным петушком на крыше.

Один ставит избушку на открытом месте, другой прячет в глухую чащу. Есть такие, что безжалостно вырубает вокруг все деревья, но немало и таких, что стараются не порушить возле своего жилища и единого стебелька.

Одним словом, каки сами – таки сани. И получается, что, создавая свою избушку, человек как бы оставляет в ней частицу самого себя. Не от этого ли так болит душа, когда после долгой разлуки возвращаешься к своей избушке? И такой непередаваемый восторг, такое смятение чувств нахлынет вдруг, когда за

деревьями откроется так знакомое тебе строение, что прямо комок к горлу.

СОН

У меня жил бурундук. Жил безбедно – сыт, весел, ухожен. Я привез его с реки Ямы. Это далеко от моего дома. В тех краях растет ель, водится проворный зверек ласка и летает длиннохвостая и белобокая сорока. Каждую осень в Яму заходит на нерест радужная мальма и желтогубая рыба – топь. У нас все это можно видеть разве что на картинке.

Однажды ночью мне приснилась мама, наш дом, сад. Я разволновался и долго не мог уснуть. А утром пошел к знакомому охотнику, что как раз собирался ехать на Яму, и попросил отвезти туда бурундука. И притом, не куда-нибудь, а к тому месту, где в реку впадает ручей Утиный. Как раз там я этого зверька поймал.

Кто знает, если бы не тот сон, может, бурундук до сих пор жил бы в моей квартире.

ДОБРАЯ ЛИСТВЕННИЦА

Иду по тайге, поглядываю по сторонам. Возле реки дикие олени-буюны раскопали весь снег и открыли целые заросли карликовой березки. Сразу же сюда явились куропатки и принялись наперегонки склевывать почки. Бегают от куста к кусту и все время оглядываются – словно яблоки воруют. Меня увидели, затаились, а сами от нетерпения дергают шеями. Скорей бы проходил, не мешал бегать.

А вот по пробитой вчера лыжне наследила рыжая полёвка. Ночью легла пороша, и сейчас по следам я могу проследить, где полёвка перебралась через комок снега, где остановилась погрызть колосок вейника, где пробовала выскочить на снежную целину. Всего она сделала три попытки и в каждом месте насоблила снежные холмики. Но

стенки-то у лыжни высокие, и каждый раз полёвка оставалась ни с чем. Скоро замечаю и самого зверька. Пушистым комочком сидит полёвка в снежной канавке и уже застыла.

Подержал ее в рукавице, гляжу, куда бы приткнуться, и вдруг замечаю у подножья ближней сопки россыпь небольших черных шариков. Интересно, а они откуда взялись? Заячьих следов поблизости не видно, олени тоже не проходили. Сворачиваю с лыжни и, проваливаясь в снег чуть ли не по колени, бреду к сопке.

Это россыпь лиственничных шишечек. Шишечки небольшие, чуть коричневатые, с приподнятыми вверх чешуйками. Лежат широким полукругом, и от каждой в сторону сопки хвостик-дорожка. Поднимаю глаза и вижу лиственницу, что посеяла эти шишечки. Она на вершине сопки, в целом километре от меня. Корявая, низкорослая, ветки сбиты на сторону. Но ничего – держится.

Только теперь обращаю внимание на поросль молодых лиственничек, что пробилась из-под снега рядом с моей лыжней. Это, наверное, детки той лиственницы. Как и все мамы, она постаралась пристроить своих детей в затишке, а сама мается на юру. Ветер треплет ее ветки, мороз обжигает кору, корням недостает воды, она же все терпит и выполняет главное свое предназначение – сеет шишечки.

И еще по великой своей доброте лиственница выполняет много хороших дел. Гнался за чечеткой сорокопуд. Сопка совершенно голая – куда спрячешься? Еще немного – и схватил бы. Да, к счастью, на пути случилась эта лиственница. Чечетка юркнула между веток и затаилась. Остался сорокопуд с носом.

Летела стайка розовых с головы до колен шуров, присела на лиственницу отдохнуть, угостилась семенами из шишечек и, весело переговариваясь, полетела дальше.

После шуров к лиственнице завернул заяц. Пощипал выросшей у корней травки, почесался о корявый ствол и оставил на коре клочок белого пуха. Потом этот пух собрала в свое гнездо маленькая птичка овсянка-крошка и согрела им своих птенцов.

Наконец пришел я, подивился добром дереву, и настроение у меня поднялось. А хорошее настроение – это тоже немаловажно.

Рисунки Киры Скрипниченко

Лука. Свежее утро

Протоиерей Андрей Кураев написал православный учебник

В прошлом году распоряжением Патриарха Кирилла была образована редакционная коллегия по написанию учебника «Основы Православной культуры» для средней школы. И за его основу принят текст, который подготовил профессор Московской духовной академии протоиерей Андрей Кураев. Доработку учебника отец Андрей вел максимально открыто. Размещал в своем интернетовском журнале одну за другой главы учебника для широкого обсуждения. Откликов – огромное количество. Еще и потому, что читать этот учебник интересно даже взрослым.

– Когда же Вы успели такой замечательный учебник написать? – спрашиваю отца Андрея.

– Времени, конечно, было мало, ведь преподавание нового предмета в четвертых классах началось уже весной этого учебного года, а пятиклассники приступят с сентября.

– Сроки не мешали качеству?

– Конечно, начинаемый эксперимент нарушает все мыслимые и немыслимые правила педагогики: спешка, неподготовленность, непродуманность. Есть риск, что учителя пойдут в классы вообще без учебников, и почти точно – учителя не успеют изучить учебники и осмыслить их как наедине, так и вместе с методистами... Но что есть – то есть. Наш курс – это попытка России спасти саму себя. Цена вопроса – наше будущее.

– В чем принципиальная новизна Вашего учебника?

– Наивно считать, что можно какие-то дореволюционные книги отсканировать и переиздать или что-то всерьез взять из дореволюционного опыта преподавания Закона Божия. Это безнадежно. Безысходность прошедшего времени в том, что эти курсы абсолютно историкоцентричны. Они говорят о том, что было когда-то, а не о том, что происходит в жизни сейчас.

По этой причине я постарался свой курс построить максимально актуализировано. Я вообще убежден в том, что разговор о православной культуре в школе в любом возрасте возможен лишь в одной интонации: наш взгляд на твои проблемы.

Беседовал Валерий Коновалов

Фрагмент из учебника Урок 2. Православие и культура

Вы узнаете

- Что человек вкладывает в культуру
- Какие мысли несет религия

Слово *культура* пришло из латинского языка. Сначала это слово означало то, что выращено в саду, а не само проросло в поле. Культура – то, чего нет в дикой природе. Сегодня слово *культура* понимается более широко: это вообще все, что создал человек. То, что человек меняет в мире своим трудом, – это и есть культура. Трудясь, человек меняет не только мир, но и себя (например, становится более заботливым и менее ленивым). И поэтому самое важное в культуре – это причины, по которым человек решает действовать именно как человек, а не как животное или машина.

Почему человек поступает так, а не иначе? Как люди различают добро и зло, правду и неправду? Ответы на эти вопросы можно найти в мире культуры.

Культура копит опыт человеческих удач и неудач. Через культуру этот опыт передается от одних людей к другим. Культуру люди создают. А затем уже эта культура создает условия жизни других людей, влияет на образ их мыслей и чувств, на способ их общения и труда. Люди учатся друг у друга не только в школе. Дружить, заступаться за правду, любить родных людей мы учимся не только на уроках. А это тоже часть культуры.

Как надо отмечать государственный или народный праздник? Каким образом встретить в доме гостя? Как организовать свадьбу или пережить потерю близкого человека? Это тоже вопросы культуры. Эти правила, нормы, обычаи люди впитывают с первого дня своей жизни. Свою культуру человек обычно не выбирает. Он рождается в ней, дышит ею, в ней растет.

Есть области культуры, общие для всех людей или для всей страны. Но есть и различия в народных культурах.

В XVII веке в Россию прибыл арабский путешественник Павел Алеппский. Вот некоторые черты нашей культуры, которые его поразили:

В праздничные дни все спешают в церковь, нарядившись в лучшие свои одежды, особенно женщины... Люди молятся в храмах по шесть часов. Все это время народ стоит на ногах. Какая выносливость! Несомненно, все эти люди святые!

Винные лавки остаются закрытыми от субботы до понедельника. Так же делается и во время больших праздников.

По отчеству зовут даже крестьян.

Черный хлеб любят больше белого.

Жена, принеся еду, садится за один стол с мужчинами.

И даже правила, общие для всех, люди могут объяснять по-разному. Например, все люди осуждают ложь. Но один пояснит: *не лги, чтобы и тебе не лгали в ответ*. А другой скажет: *не лги, потому что всякую ложь видит Бог*. Первое пояснение даст человек, который придерживается светской, то есть нерелигиозной культуры. Слова другого выражают позицию человека, живущего в религиозной культуре.

Религия – это мысли и поступки человека, убежденного в том, что человеческий разум в нашем мире не одинок. Религии говорят, что рядом с человеком и даже выше него есть невидимый разумный и духовный мир: Бог, ангелы, духи... Для многих людей эта вера становится настолько глубокой, что определяет их поведение и их культуру.

Православными называют себя большинство граждан нашей страны. Русская культура в основе своей православная. Например, русское слово «спасибо» – это сокращенное произнесение пожелания: *Спаси (тебя) Бог!* Каждый раз, когда ты говоришь *спасибо*, ты порою даже неосознанно обращаешься к Богу.

Энергия русского слова

Трудное это дело – жить с Богом. Особенно сегодня, когда старые традиции внутрицерковной жизни входят в явный диссонанс с мирскими. Совместимы ли вера и творчество, карьера и служение? Что такое православная семья? Какова роль женщины в современном христианском мире? Ни на один из этих вопросов нет готового ответа. Современным православным мирянам приходится создавать общинную традицию заново. Эта задача требует мужества, трезвости и сил.

Матушке Людмиле Кононовой, одной из немногочисленных женщин в яркой плеяде православных бардов, мужества не занимать. Оно досталось ей по наследству. Расстрелы, голод, лагеря, бараки великих строек – колесо истории прошло по ее роду так, что и следа не должно бы остаться. А род уцелел, выжил и дал добрый плод – голос матушки Людмилы знают и любят по всей стране. Матушка поет обо всем, что случилось с Россией.

*Мой дед схоронен в логу вороньем
А с ним две тыщи, лежат ребятки.
Никто не взыщет, и взятки гладки
Над пепелищем, где кривда свищет...*

Родилась Людмила Коконова в Перми, в 1960 году. Сейчас это время считается благополучнейшим, а тогда под тонкой корочкой коммунального уюта еще ходили волны не таких уж давних страшных лет. Старшие помнили, какво это – сиротство, клеймо «детей врагов народа», война, изматывающий труд. Они обладали особой правдой выживших, сообщающей потомству силу и выносливость. И не сглаживали острых углов, рассказывая совсем еще маленькой девочке-несмышленишу свою судьбу.

Правда – первое необходимое условие, чтобы из ребенка вырос поэт. У поэта должно быть чутье на чистый звук, а в лицемерном окружении его не добьешься. Кроме правды, нужна еще любовь, много безусловной любви. Сорок лет спустя матушка Людмила посвятит целую главу своей книги сердитой бабушке, которая одна умела любить за всех. Еще условие – боль, заставляющая сердце резонировать. Жестоко, но иначе нельзя, здесь – как в игре на скрипке: чем раньше начать, тем больше шансов, что выйдет толк.

Когда Людмиле исполнилось пять лет, отец покинул семью. «Я горько и страшно это переживала. Я была уве-

рена: он ушел от меня. Значит, я не такая хорошая девочка, как надо для папиного счастья. Целыми вечерами я сидела под столом, не смея взглянуть на мир Божий!» Любовь, страдание, правда – три дара ребенку не от сказочных фей, а от людей, но без дара Божия они немногочисленны.

Как-то раз Людмилу (тогда еще просто Люсю) вывели с другими ясель-

никами в лес погулять. Там, на неприметной тропинке, она и нашла свою волшебную поляну. Или это поляна ее нашла? «Я прикинула к этим спелым небесным ягодам, к этому земляничному веселью. Земляники было много, и никто не знал, что здесь маленькой девочке открылось такое сокровище. Я как будто бы нашла пещеру со множеством драгоценных камней, с царским кладом. У меня были просто, как я сейчас понимаю, райские ощущения всеобщего лада, как будто кто-то мне улыбнулся...»

Дар Божий – райское видение. Особый угол зрения, позволяющий распознавать небесное в земном, вечное в тленном, дивное в обыденном. Именно

он, этот дар, закладывает способность к творчеству. Дальнейшая судьба матушки Людмилы, как у многих одаренных людей, выглядит чередой закономерных совпадений: музыка, поэзия, нелегкий хлеб артиста, притеснения от властей. Когда в 1984-м ее выгнали из филармонии, пришлось пойти в уборщицы. Но главной направляющей всегда оставался непрерывный поиск той волшебной поляны, Божественной полноты во всем, что окружало: в собственной душе, в людях, в книгах, в песнях.

Будь то поиски себя, мы приобрели бы еще одного талантливого литератора, умеющего складно говорить. Их у нас на Руси предостаточно, только самой Руси от этого не легче. Но когда в

твоих жилах живет наследственная жажда правды, в идее чистого искусства быстро становится тесно. Словно вдруг сделалась мала собственная одежда. Хочется больших вещей, настоящих, во весь сердечный рост. И тут уж без Бога – никак. Он становится неизбежен, как воздух – для дыхания. Так что воцерковление и дальнейшее возрастание до нынешнего положения матушки тоже выглядит закономерным, вернее сказать, промыслительным.

В свое время стихи Людмилы Кононовой были отвергнуты советским издателем, как «неформат», неприемлемый для массовой печати. Ее творчество и по

сей день остается «неформатом», заповедником чистой русской речи, точной и пронзительной. Наверное, так даже лучше: знаем мы, что случается с заповедником, когда из него пытаются сделать парк культуры. К счастью, на песни матушки не покушается никакой официоз. Масс-медиа они не нужны, потому что про Бога. Для патриотов слишком лиричные, для ультраортодоксов – чересчур эмоциональные. Под них даже у самой загнанной и окаменелой городской души легко открываются слезные протоки. А сама матушка плакать и рыдать не умеет – говорит, организм так устроен. Ей легче петь.

Вот уже который год матушку Людмилу приглашают в Дубну на

фестиваль «Серебряная псалтирь» в качестве почетного члена жюри. Соответственно, работать приходится в режиме нон-стоп, но ей не привыкать. Время неумолимо катится к полуночи, а на следующий день предстоит гала-концерт, и все же мы с матушкой Людмилой записали интервью для «Лампады».

– Вы – профессиональный исполнитель, но так заинтересованно слушаете новичков. Что Вас притягивает?

– Дело в том, что я человек пишущий. Творчество получает импульс от другого творчества. Меня согревает ощущение настоящего – когда в песне есть подлинность, искренность, пусть даже несовершенно выраженная; когда есть перспектива развития. И, конечно, вдвойне интересно, когда имеешь дело с чем-то зрелым. Слава Богу, я радуюсь чужому творчеству. Вот мы завтракаем, обедаем и ужинаем – так же и душе необходима пища. Другой человек – это вроде бы другой мир, и вдруг открывается удивительная возможность соприкоснуться с ним! Так мы и получаем духовную пищу. А душа питается, если встречает что-то родственное.

– Как отличить настоящие песни от ненастоящих?

– Необходимо слышать русское слово. Есть абсолютный слух в музыке – вот такой же слух должен быть и в стихосложении. Он очень важен. Русское слово творчески волшебное. Если человек способен это волшебство ощутить и идти от слова, оно становится его двигателем. Иногда слово может открыть такую перспективу, которой автор сам и не предполагал в нем. Это чудесное явление. Развивать слух слова надо так же, как музыкальный. Бывает, что он дается природой, но этого мало. Нужны и культура, и образование. Никуда не деться.

– У многих православных исполнителей наполненность заменяется внешним пафосом. Вас не утомляет пустозвонство?

– Я ничего подобного просто не приемлю. Пустословие – как соевая колбаса: и в оболочке, и цвет похож, и запах, и откусишь – вроде ничего, а все равно соя. Ни капельки не мясо. А я – за натуральные продукты.

– У каждой мамы множество забот, а уж если она – жена священника, то весь дом, как правило, на ней. Как Вам удается выкроить время для гастролей?

– Я стараюсь равную часть времени проводить в отъезде и дома.

– В популярной православной литературе утверждается, что место женщины на кухне, при детях, а все остальное – грех против прямого предназначения.

– Кухня – место женщины в мирное время, а у нас война. Она идет уже очень давно и не прекращается, а только видоизменяется. Вспомните Смуту: тогда воевали и женщины, и дети. Да я и рада бы дома сидеть, я предпочитаю мир и покой, но что поделывать? Приходится вставать и помогать, и снаряды подносить.

– Ваша позиция – позиция солдата?

– У меня есть одно стихотворение... Нет, не стихотворение, – я его еще не написала, – замысел такой:

*На отчизне не бьют в набат,
Не дожидаться теперь набата.
Я не женщина, я солдат.
Мне не хочется быть солдатом.*

– Как же следует поступать православным женщинам, чувствующим себя виноватыми перед Богом за то, что вечно разрываются между домом и работой?

– Ну почему сразу виноватыми? Женщина в России вынуждена нести мужское. Мы не сами выбрали себе этот путь. Женщины разрываются, мучаются – значит, они мученицы. Я думаю, Господь пожалеет их за это.

– Насколько помогает в семейной жизни причастность обоих супругов к творчеству?

Людмила Кононова окончила музыкальную школу по классу скрипки. Стихи пишет с 12 лет. Первую песню написала в 1979 году. В 1982 году окончила Пермский государственный институт культуры по специальности «режиссура театра», курс Г. А. Фомина. В 1989 году познакомилась с молодым поэтом-авангардистом Андреем Кононовым, вышла за него замуж. Молодая семья уехала восстанавливать Собор Святой Троицы в г. Уржуме. В 1990 году мужа рукоположили в сан диакона, а в 1997 году – во священника.

Сегодня семья Кононовых живет в Вятке. Подросли трое детей: Василию в этом году исполнится 20 лет, Алексею – 18, Марии – 13. Отец Андрей служит в храме Рождества Иоанна Предтечи. С 1998 года на студии «PROFY LINE RECORDS» записано шесть аудио-альбомов с песнями матушки на ее стихи, а также на стихи о. Андрея и других поэтов. Матушка Людмила много гастролирует в России и за рубежом. Член Союза писателей России.

– По крайней мере, в этой области не возникает глубокого непонимания. Когда, к примеру, я или муж заняты работой и не успеваем чего-то сделать по дому, мы не станем друг друга упрекать за долгие поиски рифмы. Если человек испытывает трудности в вождении паровоза, ему легче общаться с машинистом, потому что специалист поймет его лучше. С поэзией примерно так же.

– Может ли поэт что-то менять в жизни вокруг себя, влиять на мир?

– Если перевести дословно с греческого Символ веры, который мы производим на каждой Литургии, то увидим, что Господь именуется там Творцом неба и земли. Поэт – тоже творец, только с маленькой буквы. Оттого-то и бывает тяжело в мире тем, кто одарен.

– Может ли неверующий поэт вынести такую меру ответственности?

– Он либо придет к вере, либо разрушится, не выдержав токов, проходящих через него. Слово – это не просто так, от слова бесы трепещут, когда мы Псалтирь читаем! Вот какого качества должно быть поэзия – как у царя Давида. Слово может поразить человека до тяжелой болезни, а может утешать. Мне после выступлений зрители рассказывали, что у них переставало болеть сердце, голова проходила во время концерта. Однажды на православной ярмарке, где у меня был стенд, подошла женщина и долго-долго на меня смотрела. «А знаете, я вас раньше слышала. У нас при храме есть реабилитационный центр для помощи людям, страдающим депрессией. И врачи в своей методике используют ваши песни». Я удивилась: как же так, песни-то сложные, серьезные, воспринимаются, как тяжесть. Но, видимо, минус на минус дает плюс. Русское слово – как атомная энергия.

Ваша пенсионная реформа

ПЕНСИОННЫЙ ФОНД
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С 1 января 2010 года в нашу жизнь вошло новое понятие и, соответственно, новое слово, это понятие обозначающее. «Валоризация», от французского – «повышение». Да, речь идет именно о повышении, в данном случае о повышении пенсий.

Российскому законодательству слово *валоризация* известно с конца 2009 года, когда в Федеральный закон от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» были внесены дополнения. Законодатель установил следующее:

«Величина расчетного пенсионного капитала застрахованного лица подлежит валоризации (повышению). Сумма валоризации составляет 10 процентов величины расчетного пенсионного капитала, и, сверх того, 1 процент величины расчетного пенсионного капитала за каждый полный год общего трудового стажа, приобретенного до 1 января 1991 года».

Естественно, возникло множество вопросов, в частности, в чем смысл валоризации, как она отразится на нынешних российских пенсионерах и на тех трудоспособных гражданах, кто пока еще не вышел на пенсию, а главное – как будет исчисляться эта самая валоризация, иными словами, на сколько увеличится пенсия каждого.

О цели валоризации много рассуждать не приходится: не зря же в основу понятия положено слово, означающее повышение. Строго говоря,

валоризация – это повышение уровня пенсионного обеспечения лиц старшего поколения и переоценка пенсионных прав всех без исключения граждан независимо от даты их выхода на пенсию.

Уже начиная с этого года, величина расчетного пенсионного капитала для всех без исключения граждан, имеющих трудовой стаж до 1 января 2002 года, увеличена на 10 процентов. На один процент увеличена величина расчетного пенсионного капитала за каждый полный год общего трудового стажа, приобретенного до 1 января 1991 года. То есть, сколько лет трудового стажа у вас набралось при работе еще в Советском Союзе, на столько процентов возрастает ваша личная трудовая пенсия.

В среднем пенсия вырастает примерно на 1200 рублей. Естественно, наибольшую прибавку получают те, у кого оказалось больше трудового стажа, накопленного до 1 января 1991 года.

Важно помнить, что увеличение размера пенсий путем валоризации применяется ко всем трудовым пенсиям независимо от их вида – будь то пенсия по старости, либо по инвалидности,

или по случаю потери кормильца и независимо от даты их назначения – как до 1 января 2010 года, так и назначенных после этой даты.

Однако отдельные категории получа-

телей пенсий, в частности, по инвалидности и по случаю потери кормильца, которые приступили к работе после 1 января 2002 года, не могут претендовать на повышение пенсий, и по отношению к их пенсионному капиталу валоризация не проводится.

При этом важно то, что валоризация представляет собой не общее увеличение пенсии на десять и более процентов, но только расчетного пенсионного капитала, а именно базовой суммы, из которой рассчитывается пенсия. Несомненно, это автоматически увеличивает и сам итоговый размер получаемой пенсии.

Следует обратить внимание на то, что процесс валоризации происходит параллельно с индексацией размера страховой части трудовой пенсии по старости и размеров трудовой пенсии по инвалидности и трудовой пенсии по случаю потери кормильца. В отличие от валоризации, индексация пенсий касается всех без исключения граждан, имеющих право на получение выше-названных видов пенсий. Основным критерием увеличения индексации являются темпы роста инфляции и объем средств, предусмотренных на эти цели в федеральном бюджете.

В соответствии с Федеральным законом «О федеральном бюджете на 2010 год и на плановый период 2011 и 2012 годов» социальные пособия и выплаты будут проиндексированы в этом году на 10 процентов для поддержания их покупательной способности, что выше предполагаемого уровня инфляции.

Одновременно предполагается также введение нового вида адресной помощи – социальная доплата к пенсии (федеральная или региональная) для малоимущих неработающих пенсионеров, с тем, чтобы общая сумма материального обеспечения пенсионера не могла быть ниже величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации. Это нововведение уже одобрено на заседании Правительства РФ протоколом от 30 декабря 2009 года № 42.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧТО ГЛАВНОЕ – ПРАВА ИЛИ ОБЯЗАННОСТИ?

Протоиерей Димитрий Смирнов – Павел Демидов
Свобода от греха или свобода для греха? 2

Владимир Мамонтов – Павел Демидов
Когда знаешь, что главное, жизнь
приобретает смысл 4

Павел Демидов
Блюдите убо, како опасно ходите. Куда приводит
гордыня 6

Даниил Семикопов
Жизнь – как подвиг 7

Лариса Беляева
Анкета «Лампады». Скажите, пожалуйста 10

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Наталья Лайдинен
Самый русский святой 12

Мария Карпова
Икона Николы Доброго 13

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Павел Демидов
Миссия любви и мученичества 14

Вячеслав Матвеев
Архипастырь, воин и просто батя 15
Лепта 16
«...медаль за бой, медаль за труд» 17

Протоиерей Георгий Полозов
Дела и люди нашего прихода. Служить людям –
это служить Господу 18

Евгений Борисов
Далее – всегда 19

Валерий Коновалов, Михаил Сердюков
Как свет далекой звезды 20

Александра Блинова
Не хватило одного кургана 21

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Валерий Коновалов
Кэролин Рис: «Искать больше не надо» 22

Граф Шереметев мечтает быть полезным Родине 22

Русские в Чикаго 23

СТРАНА СЛОВ

Надежда Маштакова, Кира Скрипниченко (иллюстрации)
Одинокий и непонятый 24

Н.С. Лесков
Христос в гостях у мужика 25

СТРАНА КРАСОК

Дмитрий Шеваров
Бабочка на ладони 28

ЛАМПАДКА

Читаем вместе.
Олег Бундур. За папиной спиной 33
Станислав Олещук. Что снится птицам? 32

МИР ВОКРУГ НАС

Валерий Коновалов
Протоиерей Андрей Кураев написал православный
учебник. Фрагмент из учебника 35

Марина Нецветова
С верой по жизни. Энергия русского слова 36

Оксана Травина
Право и долг. Ваша пенсионная реформа 38

ПОДПИСАТЬСЯ НА «ЛАМПАДУ» 40

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор

Павел Демидов

Верстка И.В. Бухаровой

Корректор Т.В. Глазкова

Фото на обложке Е. Борисова

Адрес редакции:

125414, г. Москва,

ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101

8-926-105-1054

www.znamenie-hovrino.ru

Регистрационный номер А-0275

Выход в свет 11.05.2010

Цена свободная

**Издается на добровольные
пожертвования**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
город Москва.

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы

Сбербанк России г. Москвы

ИНН 7712050269

р/с 40703810938080100250

БИК 044525225

к/с 30101810400000000225

КПП 774301001

Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени
типографии им. Скворцова-
Степанова
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ

Генеральный директор
Э.А. Галумов

127994, ГСП-4, г. Москва, К-6,
Пушкинская пл., 5

Контактные телефоны: 694-3636,
694-3020

e-mail: izd.izv@ru.net

Тираж 1200 экз. Заказ № 0218

© Лампада 2010

ПОДПИСКА * ПОДПИСКА * ПОДПИСКА * ПОДПИСКА *

ЛАМПАДА

Журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

www.znamenie-hovrino.ru

Рекомендовано Синодальным информационным отделом Московского Патриархата

Вы можете выписать журнал
«ЛАМПАДА»
в любом отделении связи

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 43570
Подписной индекс в Каталоге «Почта России» – 16594

Отдельные номера журнала можно приобрести
в церковной лавке храма
по адресу: ул. Фестивальная, 77а, телефон 453-9101

«Лампада» продается в церковных лавках храмов:
Великомученицы Татианы,
Всех Святых в Красном Селе,
Успения Пресвятой Богородицы в Путинках,
Рождества Богородицы в Крылатском,
Иконы Божией матери «Знамение»
за Петровскими воротами,
Николо-Угрешского монастыря.

Журнал также можно купить или подписаться на него с помощью
Издательского дома «Димитрий и Евдокия»
телефоны: 8-916-150-1140
(495) 676-5720
(495) 410-2194

ДОРОГИЕ ПОДПИСЧИКИ, ЧИТАТЕЛИ «ЛАМПАДЫ»!

Мы будем очень признательны вам, если вы найдете время и возможность
ответить всего на два вопроса:

1. Откуда вы узнали о журнале? (Варианты ответа: а) посоветовали знакомые; б) попался на глаза в нашем храме; в) из рекламы).

2. Что было главным при решении подписаться на журнал? (Варианты ответа: а) содержание; б) внешний вид; в) цена; г) всё вместе).

Ответить можно любым способом: по телефону 451-6721 или SMS:
8-926-105-1054; e-mail: ppdemidov@mail.ru; обычной почтой.

Очень надеемся на вашу активность. Нам это крайне важно. Спасибо!